Л 17
83783

АЛЕКСАНДРА
ЛАЗАРЕВА

СВЕТЛЫЙ ПРУД

Национальная библиотека ЧР
00483783

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1965

Индекс 7—3—3

С(4УЗ)
Л17

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВА

СВЕТЛЫЙ ПРУД

РАССКАЗЫ

+ К + перев. 483785
Чувашская Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького
г. Чебоксары Чувашской АССР
ПРОВЕРЕНО
20 07 2
ДЕК 2017

Чувашская писательница Александра Назаровна Лазарева (Агакова) родилась в 1917 году в крестьянской семье в дер. Верхний Томлай Моргаушского района Чувашской АССР. После окончания школы крестьянской молодежи в 1933 году уехала учиться в Балашовский авиационный техникум, откуда потом была переведена в Батайскую школу пилотов гражданской авиации.

Печатается А. Лазарева с конца тридцатых годов. Первые свои рассказы она посвятила будням молодых летчиков. Оставив авиацию по состоянию здоровья, А. Лазарева переехала в Чувашию и стала принимать активное участие в литературной жизни республики. Главной темой ее творчества стала судьба чувашской женщины, раскрепощенной Октябрем, ее активное участие в строительстве новой жизни.

Значительное место в ее творчестве занимают морально-этические темы, вопросы семьи и воспитания молодого поколения. Пишет она и для детей. Всего А. Лазаревой выпущено 7 книг рассказов и повестей.

А. Лазарева — член КПСС, с 1960 года — член Союза писателей СССР.

Мы предлагаем вниманию читателей несколько рассказов А. Лазаревой, написанных ею в последние годы.

СНЕГ ИДЕТ

Снег сыплется с неба. Снег сыплется с крыши. Снег... Снег... И кажется, за окном не ветер свистит, поет, а снег, густой, синеватый, певучий.

Ольга Павловна приподняла ситцевую занавеску, выглянула в окно, но ничего не увидела. Окно промерзло, отяжелело. Оно оказалось забитым снегом с наружной стороны.

— Ну, ничего. Время еще есть,— и она включила репродуктор.

— Говорят Чебоксары. Передаем последние известия...

— «Марпосад. Доярки колхоза «Восход» обязались надоить от каждой коровы не менее трех тысяч литров молока...»

— «Канаш. Из года в год улучшается жизнь тружеников сельхозартели «Звезда». За последние два-три года шестьдесят семей справили новоселье и тридцать срубили срубы...»

Скупые цифры. Но они красноречивей всего свидетельствуют о наших победах. Сколько скрытой поэзии заключено в скупых фразах, сколько радости. И не случайно режиссеры всегда сопровождают «Последние

известия» музыкой. Вот и сейчас из репродуктора полилась красивая старинная, но вечно юная и волнующая песня.

Ольга Павловна взглянула на часы: пора. Она довольна этой командировкой. Часть новостей она передала на радио по телефону, некоторые из них она только что прослушала. Но в ее корреспондентском блокноте лежали материалы для большого очерка о тружениках села, главным образом, о славных делах женщин. Хорошие и свежие вести. Она всегда от души радовалась, когда ее материалы выходили в эфир, неся людям радость, и ей казалось, что и она добилась успехов в работе, помогла людям, принесла им теплое слово.

Почетна работа корреспондента, но и трудна: всегда в дороге, всегда в тревоге.

Ольга Павловна, попрощавшись с дежурной, открыла дверь на улицу и сразу прикрыла лицо рукой. Метель разыгралась еще сильней. Снег пел. Снег свистел. Снегом занесло все следы, тропинки, улицы. Снег тугими струями бил в лица, сбивая с ног. Казалось, нет ни земли, ни неба, кругом один лишь плотный снег. Ольга Павловна с трудом добралась до автобусной станции. Пассажиры нервничали, ни один автобус из-за метели не вышел на трассу.

Все же через полчаса у автостанции остановилось грузотакси. Настроение у пассажиров поднялось. Но их радость погасла на первых же полдесятка километрах. Машина врезалась в сугроб. Все попытки протолкнуть ее вперед были напрасны. Колеса с визгом пробуксовывали.

— Дальше не поедем,— буркнул выбившийся из сил шофер.— Одна надежда — выбраться из сугроба и, пока не поздно, вернуться назад.

Он дал задний ход. И машина сантиметр за сантиметром, натруженно гудя мотором, дрожа и пробуксовывая, вылезла из сугроба.

— Эй, товарищ,— окликнул шофера один из пассажиров,— погоди-ка! Я останусь.

И пассажир, подхватив свой маленький чемоданчик, открыл брезентовый полог.

— Еще есть желающие остаться?— спросил шофер.

Ольга Павловна заколебалась.

— Решайтесь же,— заметив ее колебание, подбодрил пассажир.

— Решилась! Что будет, то будет. Я — с вами.

Пассажир подал ей руку:

— Прыгайте. Идущий вперед куда-нибудь да придет,— улыбнулся он.

— Есть ли еще желающие?— повторил вопрос шофер.

— Ну, к черту. Только сумасшедший отважится остаться при такой погоде посреди поля. За два шага ничего не видно. Заблудишься —и поминай, как звали,— заметила пожилая женщина, кутаясь в большую пуховую шаль.

— То-то вот. Боязно,— согласился с нею кто-то. Машина долго разворачивалась. И, наконец, скрылась в метели.

— Что ж, идемте,— проговорил незнакомец, поглубже натягивая побелевшую от инея и снега черную каракулевую шапку.

Мужчина шагал споро и твердо, легко и уверенно.

— Вы не устали?— обернулся он к Ольге Павловне, когда прошли довольно большое расстояние.— Давайте-ка сюда, помогу,— поднял он чемодан Ольги Павловны, поставленный на снег.

— Э-э, не очень-то легкий! Вы возьмите мой, он полегче,— предложил он.

Неизвестно, сколько времени и верст они отшагали. Вокруг — ни зги. Снег бьет наотмашь. Забирается под воротник, застилает глаза. Чем дальше, тем тяжелей кажутся пальто и валенки. Чемодан оттягивает руку. Приходится часто перекладывать его из одной руки в другую. Усталость и тревога. Несколько успокаивает лишь гудение телефонных проводов. Впереди крупно и споро шагает незнакомец. Ольга Павловна старается ступать след в след, пытается укрыться за его широкой спиной от ветра и снега.

— Давайте, чуть передохнем,— предложил вдруг мужчина, остановившись.— Я, как дикарь, даже не познакомился с вами. Меня зовут Герасим Иванович, фамилия — Ашмаров...

— Ольга Павловна.

— Устали?

— Немного.

— Потерпите еще малость. Скоро придем.

Они постояли минуты две и, борясь с усталостью и разыгравшимся с новой силой бураном, зашагали вперед.

— Еще шаг... Еще шаг...— сквозь плотно стиснутые зубы шепчет Ольга Павловна, подбадривая и подстегивая себя. Но с каждым шагом все тяжелее и неспокойней на душе. Проваливаясь в снег, падая на упругий плотный ветер, она шагала уже как-то по инерции, равнодушно, ничего не видя.

— Пришли!— крикнул Герасим Иванович, появляясь из-за стены снега, и взял из рук ослабевшей попутчицы чемодан.

...Короткий зимний день давно перешел в ночь. В домах тускло мерцали огоньки, пробиваясь сквозь ветер и снег, чуть-чуть очерчивая силуэты строений.

Герасим Иванович постучал в окошко:

— Хозяева дома?

На стук вышел старик.

— Входите, входите. Гостям мы всегда рады...

В доме было так тепло и уютно, что Ольга Павловна, не ожидая напоминания симпатичного старика, сбросила шубу, которую тут же подхватил попутчик. При свете яркой электрической лампы то ли от ветра, то ли от коричневого костюма он весь казался коричневым. Даже глаза и волосы одного цвета. Неровные, но белые зубы. Чуть тронутые сединой пряди волос растрепались, прикрывая высокий лоб с темными коричневыми от шапки полосами.

Герасим Иванович, местами юморизируя, местами преувеличивая, рассказал хозяину о трудности сегодняшней дороги.

— Ох, дети, смеяться тут нечему. Слава богу, что еще не заблудились. В такую погоду и зверь спит. Радоваться должны, что дошли. Проголодались поди?

— Это верно. Даже похудели,— улыбнулся Герасим Иванович, подмигнув Ольге Павловне.

Хозяин засуетился. Через минуту на столе появились ложки, тарелки с дымящимся супом, гусиное мясо.

— Ешьте, ешьте, милые. Да как вам не совестно?

За что же старика обижаете? Деньги в городе берут. А мне они не нужны. Не нуждаюсь в них. Дочка у меня учительница. Вот поехала в город экзамены сдавать, заочно в институте учится.

— А у меня сегодня здесь лекция. Приглашаю вас в клуб,— предложил после ужина Герасим Иванович.

— Поэтому вы пешком и пошли?— удивилась Ольга Павловна.

— Поэтому. Не привык людей обманывать. Они ждут.

— А что за лекция?

— «Коммунистическая партия — организатор и руководитель Советского государства».

— Идемте, дедушка.

— Рад бы, да ноги-то больно капризными стали. Не слушаются старика.

Герасим Иванович и Ольга Павловна не стали настаивать.

«Посмотрю, что за лектор. Авось, повезет, может быть он получше других окажется. Много их развелось, монотонно жужжащих, как мухи. Без снотворного усыпляют»,— по дороге к клубу думала Ольга Павловна.

Но Герасим Иванович оказался отличным лектором. Его низковатый спокойный голос доходил до каждого. Люди слушали внимательно. Задавали много вопросов, на которые лектор отвечал интересно, приводя многочисленные факты, неизвестные даже Ольге Павловне, хотя, как ей казалось, она знала назубок всю почти 50-летнюю историю Советского государства. Ей и самой не раз приходилось выступать по этой теме. Ольга Павловна с каким-то жадным интересом ловила каждое слово, каждый жест, каждый факт лектора.

На квартиру они вернулись вместе. Хозяин еще не спал.

— Вы ложитесь на постель дочери, а я по-стариковски на печи,— предложил он гостям, видимо, решив, что это муж с женой.

— Благодарствуем, дедушка. Как-нибудь устроимся. Вы, Ольга Павловна, ложитесь на кровать, а я на скамье пересплю. Мне это привычно.

Он положил под голову свой маленький чемодан и отвернулся к стене, накрывшись пальто.

— Вам же неудобно так. Хоть подушку возьмите...

— На фронте приходилось всяко. Не беспокойтесь, Ольга Павловна. Спокойной ночи.

Вскоре он задышал ровно и спокойно. Ольга Павловна поворочалась немного, пытаясь мысленно воспроизвести недавний путь сквозь буран, но усталость и приятная мягкая постель взяли свое, и она крепко заснула.

Утро пришло свежее, солнечное. Деревья стояли пышные, искрящиеся, снег лежал всюду белый, пушистый. И в звонком чистом воздухе носились мелкие колкие искорки снега. Сильная лошадь с места взяла крупной рысью. Снег резал глаза нестерпимым сиянием. Было холодно, но холод как-то приятно освежал и румянил лица.

В Вурманкасах встретилась попутная машина. Седоки распрощались с молодым кареглазым возницей. Шофер довез их до Чебоксар, и на Красной площади они расстались.

— До свидания, Ольга Павловна. Вы очень хороший товарищ.

— И вы... очень,— улыбнулась она в ответ на его улыбку, пожимая протянутую руку.

Она медленно пошла к дому, прислушиваясь к своим шагам, под которыми мягко и негромко скрипел выпавший вчера снег.

* * *

...В июле Ольга Павловна решила отдохнуть в Заволжском доме отдыха. Солнце и вода неузнаваемо изменили ее. Она загорела, посвежела. Русые волосы, закрученные на затылке, местами совсем посветлели. От частого купания в Волге они, не слушаясь, выбивались из-под прически, окружая лоб золотистым легким венчиком, моложавя ее.

Однажды после обеда, выйдя из столовой, она прочла на доске объявлений афишу: «Сегодня в пять часов вечера состоится лекция о международном положении. Лектор — член общества политических и научных знаний Г. И. Ашмаров. После лекции — кино».

Ольга Павловна обрадовалась и... взволновалась. Но отчего — она и сама не смогла себе объяснить. Герасим Иванович — известный лектор, но что из этого?

Знакомый? Но мало ли у ней знакомых? Какой-то он необыкновенный. А в чем его необыкновенность? Хороший он человек... Да мало ли хороших людей?

Правда, после зимней встречи, бурана Ольга Павловна частенько вспоминала о нем.

Но зачем себя тревожить? Он человек женатый, семья у него дружная, жена красивая, да и не такой он человек, чтоб бросаться с объятиями к каждой встречной. А все же... Однако ей, видимо, стало так радостно оттого, что на афише прочла его имя...

В клубе она села в первом ряду. Ашмаров, увидев ее, чуть смутился, но этого, кроме Ольги Павловны, никто не заметил...

Читал он хорошо, ни разу не заглядывал в открытый блокнот.

— Какая приятная встреча! Что вы здесь делаете? Опять за новым материалом? — спросил он после лекции, крепко пожимая ее руку.

— Нет. Материал не собираю. В редакции, видно, решили, что выбилась из силенок, и прогнали их набирать.

— Хорошего вам отдыха.

— Спасибо за доброе пожелание.

Кино они смотрели вместе.

На другой день после лекции встретились снова.

— Возьмемте лодку?

— Хорошо!

Пошли на озеро. Спокойное, голубое, оно казалось огромным зеркалом. Мелкий лес будто опрокинулся в воду. Лодка медленно скользила к нему. А лес звенел, трещал от сотен мелких певчих птиц, звал к себе. Рыбы, выскальзывая из воды, серебряными брызгами мелькали в воздухе, шлепались обратно, пытаясь расколыхать спокойную гладь воды.

— О чем вы печалитесь, Ольга Павловна?

— Что вы?.. Я, вероятно, всегда такая.

А сама мучительно думала: «И зачем я поехала с ним? Зачем согласилась? Ведь он женатый. Влюбилась что ли, дура? И зачем он мне нужен? Люди-то что подумают...»

Она перестала отвечать на его вопросы и даже улыбаться. Герасим Иванович, не находя причины такому

резкому переходу от веселья к грусти, сам опечалился и повернул лодку назад.

Перед ужином Ольгу Павловну остановила какая-то незнакомая, полная, невысокого роста женщина:

— Откуда вы знаете Ашмарова?

— В прошлом году по работе пришлось познакомиться,— внезапно покраснев, ответила Ольга Павловна.

— Человек он хороший, но от него ушла жена.

— Об этом мне незачем знать... От кого ушла, к кому пришла,— отрезала она.

— Да я просто так. Он о себе не любит распространяться. Они вместе с моим мужем работают. Жили с женой дружно. Сам он умный человек, много учится. И на работе способный. Вы, наверное, слушали его лекцию? Но хорошим людям не везет на жен. Правда, она была красивая, как с конфетной обертки. Как он ее любил, как одевал! Сам не курит, а она дымит, как паровоз. Задумала учиться музыке — купил пианино. В музыкальную школу для взрослых устроил. По сто рублей платил. Домработницу нанял, чтобы у его цацы пальцы не огрубели. Не доучилась. Бросила. Стала жаловаться на боли в пояснице. Купил путевку, отправил на курорт. Но назад она не вернулась. В первое время он говорил: «Хорошо б было, если б порядочного человека нашла...» Очень горевал. Жалел. Ребенок у них. И ведь сам же виноват. На работу не хотел отпускать. Вот и закрутилось все, перевернулось. От безделья это,— вздохнула женщина.

«Удивительное дело. Некоторым женщинам легко и нескольких мужей найти. А мне хоть бы одного. Эх, встретить бы мне такого. Никогда бы не обманула его»,— думала Ольга Павловна, укладываясь спать.

Утром пришел Герасим Иванович.

— Проводите меня, Ольга Павловна.

Они тихонько зашагали к Волге.

Воздух, густой и теплый, как парное молоко, заставлял глубоко и спокойно дышать. Извилистая дорога, то сужаясь, то расширяясь, уводила в густой лес. Но вот лес неожиданно оборвался, открылся широкий луг, весь белый от ромашек. А дальше — Волга, спокойная, мо-

гучая, с пароходами и лодками, зовущими с собой в далекое, неизведанное, интересное...

— Вы что-то скрываете от меня, Герасим Иванович...

— Да. Я несколько раз пытался поговорить с вами, но все не осмеливался. Помните, весной вы приходили в Дом Советов на лекцию? Еще тогда... Но не решался, боялся показаться в ваших глазах несчастным, забитым. Но... в прошлом году уехала на курорт жена и не вернулась. Лишь прислала письмо: «Больше меня не жди...»

— Не хочется этому верить. Ведь вы с ней, кажется, неплохо жили?

— Очень плохо. Видимо, я слишком любил ее. Я не знал, что женщин нельзя так сильно любить. Никому не говорил. Ждал, что вернется. Жаль сына, все время спрашивает, когда вернется мама. Хорошо еще, что живет в лесной школе.

— А может, вернется?

— Нет. Теперь об этом и речи не может быть.

— А если вернется — простите ее?

— Не знаю. Сначала из-за сына думал простить... Да нет, не надо об этом.

— Герасим Иванович, все будет в порядке. Вы же хороший человек...

— Видимо, нет. Хороших жены не бросают.

— Неправда! Вы очень хороший!

— Спасибо, Ольга Павловна, если это правда,— наклонился он к ее руке.

Ольга Павловна, вспыхнув, отдернула руку, долго шла молча, почти физически ощущая прикосновение его горячих губ.

Он вдруг остановился. Остановилась и она.

— Ольга Павловна!..

И, обняв ее нежно и сильно, слегка коснулся горячими губами ее губ, потом, разжав руки, круто повернулся, почти бегом пошел к пристани.

По заволжью дул теплый, тревожный ветер.

* * *

Прошла осень. Ветер раздел деревья. Редкие листья, кружась, с шуршаньем падали на землю. В лесах забушевал злой и холодный ветер. Деревья загудели, как

телеграфные провода. Небо затянулось низкими тяжелыми тучами. Дождь... Пронзительный дождь, мелкий, колючий, вперемешку со снегом. В такую погоду сиди дома, топи плиту, подкладывай, не жалея, словно солнечные слитки, желтые сухие поленья.

В небольшой уютной комнате празднично, тепло. Изящный торшер мягко и приглушенно освещает праздничный стол. За столом Ольга Павловна и Герасим Иванович:

— С сорокалетием вас, Герасим Иванович!

— Спасибо, дорогая!

Звякнули тонкие рюмки. Золотистое вино, задрожав, игриво засверкало.

— Оля, у меня единственная мечта. Я даже во сне вижу вас рядом с собой. Я не могу без вас. Спасибо, что пришли на день рождения.

Ольга Павловна промолчала.

— Оленька...

— Что?

— Почему вы молчите?

— А если она вернется?

— У меня, кроме тебя, больше нет жены!

Он обнял ее за плечи.

— Не надо... не надо...— тихо зашептала она, прижимаясь к нему. Мягкий свет, колыхаясь, лился из торшера, освещая праздничный, но оставленный нетронутым стол...

Какое счастье стать в тридцать три года любимой женой любимого человека! Почему-то она даже и не мечтала, не надеялась стать такой счастливой.

Теперь для нее началась совершенно иная, новая жизнь.

...Однажды, в выходной день, Ольга Павловна с утра суетилась на кухне. Сегодня Герасим Иванович из лесной школы приведет сына. Пока он помогал ей.

В дверь нерешительно постучались:

— Молоко, наверное, принесли,— предположил Герасим Иванович, торопливо шагая к двери.

Вошла женщина. Ольга Павловна приняла ее за молочницу. На ногах стоптанные туфли. На плечах

старое пальто. Лицо было жалким, не очень симпатичным.

Но вдруг:

— Герочка, прости!— упала она на колени.—Прости меня, прости меня, дуру. Если ты не простишь, мне только умереть.

У Ольги Павловны сжалось сердце. Это была жена Герасима Ивановича. Ольга Павловна вбежала в комнату:

«Что делать? Что? Что?»

«Убежать...»— молнией пронеслось в голове.

Она бросилась к чемодану. Торопливо побросала туда вещи и — за порог.

В своей квартире она, не раздеваясь, упала на диван и пролежала до вечера.

Каким коротким оказалось у нее счастье! Почему же не для всех одинакова жизнь? Та женщина снова будет счастлива. А она?.. Может быть, выгнать ее, остаться там. Нет... Нет. Она же мать... Да и Герасим Иванович... Нет. Нельзя, невозможно. Зачем мешать им? У них ребенок. Хорошо еще, что люди не знают о том, что она была там целую неделю. Они не спешили обнародовать это. Вначале Герасим Иванович хотел развестись, зарегистрироваться с Ольгой Павловной, сыграть маленькую свадьбу. Но Ольга Павловна отговорила его.

Приходили люди, стучали в дверь, но она не отзывалась.

«В моем несчастье никто не виноват»,—успокаивала она себя.

Три дня она пролежала с головной болью. Наконец, пошла на работу. Навстречу Герасим Иванович:

— Ох, Ольга, сколько раз тебе звонил, приходил, ждал. Устал стучать к тебе. Где ты была?

— Дома.

— Нехорошо вышло. Не надо было убегать.

— А что бы случилось?

— Тогда все было бы по-другому.

— Вы, Герасим Иванович, как маленький разговариваете.

— Олечка, не сердись. Я не виноват. Что мне делать?

— Женушку любить!— отрезала она.

— Ты совсем отказываешься меня понимать. Мне так тяжело. Я готов теперь что угодно сделать с собой, только сын перед глазами, он останавливает.

— Ну вот и остановись. Что было, то прошло,—и, чтоб не разрыдаться, она до крови прокусила губу.

— Сказать легко.

— Да, легко. Но со временем еще легче будет. Думаем, мы в силах держать себя в руках.

— Себя в руках держать сумеем. Я эту женщину постепенно устрою. Потом...

— Простите, мне нужно на работу. До свидания!

Она торопливо зашагала по тротуару, на ходу украдкой вытирая слезы.

«Нет, через некоторое время мы будем совсем чужими. Он снова начнет жить своей семьей, а я?..»

— До свидания, Оля!

* * *

Ольга Павловна изменилась не только внутренне, но и внешне. Всегда радостная, веселая, она теперь замкнулась в себе. Все удивлялись такой перемене:

— Что случилось с тобой, Ольга Павловна? Не заболела ли?— пытались узнать о происшедшей перемене в ней сотрудники.

— Нет, все хорошо,— и тут же переводила разговор на другое.

Нет, не могла она поделиться ни с друзьями, ни с сотрудниками своим горем.

«Было, прошло. Кому до этого дело? Да и кто поможет? Советом? Нет. Да и что я? Многие живут и по нескольку лет. Обзаведутся детьми, а потом разведутся. Но влюбилась, как дура. Что особенного в нем нашла? Ничего. Он и не самостоятельный. Тряпка. Крутит им его легкомысленная зазноба...»— старалась думать о нем как можно хуже Ольга Павловна.

Но беда не ходит одна. Через некоторое время она почувствовала, что беременна. «Что делать? На что решиться?» Как помешанная, бродила из угла в угол своей квартиры.

Хотела рассказать об этом Герасиму Ивановичу, но остановила себя:

«Зачем? Его денег мне не нужно. Жалко его. Ведь он не виноват. Не стоит тревожить, быть может, успо-

коившегося человека, пусть живет своей жизнью, как умеет».

Ольге Павловне и не нужно было особенно переживать. Дойти до женской больницы — и все. Но не хватало сил на этот шаг. И так всю жизнь одна. Тридцать три года. Еще сколько жить одной? Будь что будет, но своего ребенка она не погубит. Ей всю жизнь хотелось стать матерью, слышать слово «мама». Какое доброе слово «мать». Пусть живет. Пусть родится. Ольга Павловна сможет его воспитать. Да и разве она одна мать-одиночка? Нет, не стыдно! Пусть на свете будет больше еще на одного человека!

После мучительных раздумий, она, наконец-то, засыпает. Но утром снова думы.

«Нет, нельзя... Как же без отца? А если спросит: «Где отец?» Что отвечу? Что люди скажут? Нет. Нет. Придется идти в больницу».

* * *

...Как-то, возвращаясь из командировки, ей пришлось заночевать в одной деревне. В доме, где она остановилась на ночлег, жили две женщины. Одна — совсем старая, другая — средних лет. Очень задушевные, разговорчивые. Встретили как родную. Разговорились.

— И у меня сын в Чебоксарах. Может, вы знаете Ашмарова?— спросила старуха.

Ольга Павловна вздрогнула, услышав эту фамилию.

— Ну, что ты, мать, город большой, всех разве узнаешь,— сказала та, что была помоложе.

— Одного Ашмарова я знала. Но ваш ли сын — сказать не могу,— ответила Ольга Павловна, различив в старухе черты лица Ашмарова.

— Вот он,— показала старуха рукой на увеличенную фотографию на стене.

— Верно, он. Я с ним случайно встретилась, да и давно это было.

— Эх, сыночек! Золотой он у меня! Все время деньги домой присылает. Меньшой на фронте погиб. Так он и его детям помогает в люди выйти.

— Лишь с его помощью и учу детей. Теперь старшая в Москве, в институте, средненькая в Чебоксарском энерготехникуме, а младшая в будущем году закончит

483783
Чувашская Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

среднюю школу, но она хочет остаться в колхозе,— вздохнула помоложе, оказавшаяся снохой.

— Самого жалко. Мучается со своей красавицей. Из-за этих денег даже уходила от него. Неделями, бывало, не разговаривает, когда Герасим деньги пришлет. В позапрошлом году приезжали к нам погостить на несколько дней. Как уж ухаживала! Не знала, куда и посадить. Сварила мясной суп со снидью. Герасим из лавки красного вина принес. Сели обедать. Сноха хлебнула ложку супу и выплюнула: «Я не привыкла к свиному силосу!» — и, бросив ложку, вышла во двор. Страшно обидела. Не угодили! А как старались-то, старались...

Заметив, что Ольга Павловна слушает внимательно, старуха и на постели продолжала рассказывать про своего сына. Рассказала, как рос без отца, как учился...

— Он же у меня с ранних лет к труду привык, вся мужская работа на его плечах была. Можно сказать, детства-то настоящего у него не было. Как ушел отец на войну, так он сразу вроде бы хозяином стал. И пахал, и сеял, и в лес по дрова ездил, один раз чуть не замерз в поле — ехал с дровишками, а его пурга настигла... Еле живой домой-то добрался. Уж так я перепугалась тогда! А он — ничего, меня же успокаивает: не горюй, маманя, я же мужчина, ничего со мной не может случиться. На фронте, говорит, куда труднее, и то переносят... А когда насчет отца похоронная пришла, я было чуть не умерла с горя, неделю целую плакала, света божьего не вижу, а он ни слезинки даже не уронил. Только побледнел весь. Потом говорит мне: проживем, маманя, я уже взрослый, и тебя, и себя прокормлю, и хозяйство не развалю... Что и говорить, хороший он у меня! Только вот с семьей неладно вышло, да что теперь поделаешь? Судьба, видать, такая...

Утром Ольга Павловна тепло распрощалась с родственниками Герасима Ивановича.

На дворе потеплело. Шел крупный снег. Крупные снежинки медленно, кружась, оседали на землю. Ольге Павловне вспомнилось, как она в прошлом году шагала с Герасимом Ивановичем во время бурана. Ей все время кажется, что он рядом с ней, смотрит на нее, любуется ею, ласкает...

В городе она медленно шла по улице, время от времени останавливаясь, подставляя ладошку под круп-

ные узорчатые снежинки. Но вдруг она услышала звонкую, задорную, искрящуюся песню. Она оглянулась: дорогу переходили дети. Впереди шагала воспитательница, держась за ее руку, шла девчушка лет шести. А дальше, не меньше полсотни, держась за руки, цепочкой двигались остальные. Так забавно они вышагивали, старательно поднимая ноги и распевая, что все прохожие останавливались и долго смотрели с улыбкой на них. А дети пели звонко, весело, задорно, чуть картавя:

«Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я...»

Они шли, держась за руки. Водители автомашин терпеливо пережидали длинную цепочку детей, образовав широкий коридор из машин. Они пели. Они были похожи на маленьких забавных гусят. Они пели, а снег, крупный, ласковый, узорчатый ложился пушистым слоем на их пальтишки, на их разноцветные шапочки.

«Когда-нибудь и мой ребенок будет так же вышагивать по улицам родного города»,— прошептала Ольга Павловна.

БЕГЛЕЦЫ

— Педе-ер!..

Услыхав свое имя, загорелый до черноты мальчишка сразу побежал домой. Оказывается, мать уже вышла его искать...

— Где только ты пропадаешь целый день? Видно, так накурился, что и есть не хочешь! — закричала она, как только сын подошел поближе. — И не вздумай отпираться! Люди видели. Лучше скажи правду, ведь куришь?

Педер отрицательно покачал головой. «Интересно, кто это нас видел? И уже успели проболтаться! А все этот Ярмуш, откуда-то притащил папиросы... Я только и попробовал один раз затянуться и то чуть не задохнулся. Не сознаваться ни в коем случае! Не выдавать же товарищей», — стремительно пронеслось у него в голове.

— Не курил, значит?

— Нет...

«Этого ему спустить нельзя», — подумала мать и сказала:

— Вот что, Педер! В прошлый раз, когда ты подрался с Федюком, я тебя простила. Думала, сам пой-

мешь, что так нельзя. Но теперь за то, что курил да еще и не признаешься, три дня будешь сидеть дома. Никуда чтобы ни шагу! Сиди взаперти и читай! Ничего другого ты не заслужил.

Мать сделала, как обещала. На следующее утро она оставила Педера одного дома, а сама, заперев дверь снаружи, отвела младшую дочку Маюк в детский сад и пошла на работу в промысловую артель.

Сначала Педер даже обрадовался, что остался один. Покувыркался на домотканом ковре, покрывавшем пол. Затем отправился в кухню и обшарил все ящики буфета. Одну горсть конфет положил в рот, другую, про запас, засунул в карман штанов. Потом начал рыться в книжном шкафу в комнате. Среди книг попался ему альбом с фотоснимками. Тут была и фотография его отца еще в армейской форме.

«Где же он сейчас, отец? Даже писем не пишет!» — подумал мальчик, вглядываясь в снимок.

В эту минуту кто-то постучал.

— Педер, выходи играть! Да поскорее! — послышалось с улицы.

Педер узнал голоса своих дружков, но и не подумал откликнуться. Пострадал-то он из-за них! И что это получается?! Все затеял Ярмуш и теперь сам гуляет как ни в чем не бывало, а он, Педер, под замком сидит.

Но как только ребята, не дождавшись ответа, ушли, Педеру стало очень скучно. Когда же наступит вечер и вернется домой мать? Да и вернется, пожалуй, опять ругаться начнет...

Прошло совсем немного времени, и Педер снова принялся искать что-нибудь интересное. Водрузив стул на маленький столик сестренки Маюк, он залез на книжный шкаф. Здесь валялось много всякой всячины. Гвозди, обрывки проводов, какие-то склянки. А вот еще и мамина старая сумка. Педер заглянул и туда. В сумке лежали расческа, носовой платок, маленький блокнот и, видно, забытая двадцатипятирублевая бумажка. Педер перелистал все странички блокнота и вдруг так обрадовался, что даже спрыгнул со шкафа.

Да ведь это же папин адрес! Конечно! Вот здесь написано: «Город Чебоксары...» Значит, он в самих Чебоксарах живет! Есть тут и название улицы, номер дома и квартиры... А в конце — «Куркову Фетису

Васильевичу». Что же это получается? Мать-то, оказывается, знала, где отец, а ничего не говорила... Почему же она скрывает? Ведь он нам не чужой какой-нибудь, а папа!

Педер от радости даже не рассердился на мать. Он снова вынул из альбома фотографию отца и поставил на стол перед собой. Долго смотрел на нее. Знакомые часто говорили, что «мальчик весь в отца», а мать добавляла: «Он и характером точь-в-точь как отец». Почему она так говорила, Педер не знал, но он все равно был очень доволен, потому что лучше его отца и людей нет на свете!

Когда отец жил еще дома, летом он каждый день брал сына с собою купаться и даже выучил его плавать. В прошлом году они ездили в дом отдыха на левом берегу Волги. Там и на рыбалку ходили и иногда по озеру катались на лодке. В шутку отец величал его, как взрослого: «Педер Фетисович». Прежде чем приступить к какому-нибудь делу, всегда спрашивал: «Ну-с, Педер Фетисович, как по-твоему?» И соглашался с тем, что говорил Педер.

Мамины именины в середине лета. В прошлом году в этот день была страшная жарища.

«Ну, Педер Фетисович, что мы с тобой подарим нашей дорогой маме?» — по своему обычаю спросил отец.

«По-моему, лучше всего пойти в лес и собрать для нее корзину ягод»,— ответил Педер.

«Превосходное предложение, Педер Фетисович! Ты у меня молодчина! Что ни скажешь, все умно!» — похвалил его и на этот раз отец.

Так они и поступили. Как ни донимала жара, целый день прилежно собирали ягоды. А на обратном пути, притомившись, присели на полянке отдохнуть. Отец с явным удовольствием растянулся во весь рост на густой траве и на половине слова захрапел.

Педер не ложился. Напевая что-то, бродил по поляне, собирал ягоды — их было здесь очень много — и прямо в рот. Когда наелся до отвала, пошел к отцу. Но, не дойдя шага три-четыре, увидел черную змею. Она ползла к спящему.

Педер очень испугался. «Папа, папа!» — закричал он.

Но отец только пробормотал что-то невнятное, пошевелился и не проснулся. Солнце, видимо, так его разморило, что он уснул очень крепко.

Что делать? Змея уже почти доползла до отца. Педер, не помня себя, мгновенно выхватил из кармана острый складной ножик с деревянной ручкой и, прыгнув к змее, ловким движением перерезал ее пополам.

«Папа, проснись!» — закричал он еще громче, дрожащими руками теребя отца.

Теперь-то отец проснулся. «Что с тобой, отчего ты дрожишь?» — спросил он, ничего не понимая. Педер показал на змею.

Теперь пришла очередь испугаться отцу, хотя опасность и миновала. Он вскочил и обнял сына. «Ты меня от верной смерти спас, сынок! Эта змея ядовитая. Какой же ты герой у меня! Какой молодец! С тобой не пропадешь!» — так он на разные лады восхищался Педером и долго еще не мог успокоиться.

Как только они дошли до своей деревни, отец повел сына в лавку. Педеру накупил конфет разных сортов, его сестренке игрушек, а жене материи на платье, с большими зелеными цветами.

Ну, и счастливый же был тот день! Вечером у них собрались гости. Мать напекла очень вкусных пирогов.

А когда они с отцом торжественно водрузили на стол корзину с ягодами, мать расцеловала обоих.

Потом отец рассказал, как мальчик спас его, убив змею, и все дружно хвалили Педера...

Но вскоре все изменилось. Отец почему-то больше не жил дома и даже ни разу не приходил. И вот, оказывается, он в Чебоксарах. Почему он туда переехал? Хоть бы разочек заглянул домой. Педеру так хочется его повидать. Сколько у него новостей! Он бы рассказал ему, что во всем виноват Ярмуш, а он, Педер, здесь ни при чем. Узнал бы отец, что Педер с отличием кончил учебный год, купил бы ему велосипед, как обещал. До чего жалко, что отца нету! И не только из-за велосипеда. Право же, совсем не поэтому жалко!

Когда отец жил дома, Педеру всегда было весело. И мама так часто на него не сердилась. Почему у других ребят отцы живут дома и никуда не уезжают? Под Новый год помогают елку украшать. А Педеру некому помочь.

Нет, больше он терпеть не согласен! Сейчас он напишет отцу письмо, пусть немедленно возвращается домой.

Педер стал искать бумагу и чернила. Потом уселся за стол и долго писал. Но письмо почему-то получилось нескладное. Наверно, потому, что с самого начала каникул не держал в руках ни ручки, ни карандаша.

«Эх, были бы у меня крылья, полетел бы я к папе в Чебоксары, как птица!— с тоской подумал Педер, поглядев в окно.— Почему только я один должен сидеть дома? Вон все ребята бегают на улице, играют! Они счастливые... У них и папы дома, никуда не уехали. Вот возьму и убегу к отцу! А может, в самом деле взять и убежать? Как-нибудь доберусь. А уж отец-то как будет рад, когда я к нему приеду! Вот сейчас же возьму и отправлюсь. Адрес у меня есть. Не найду сразу, спрошу людей — покажут...»

И Педер стал готовиться в дорогу. Сначала он переписал отцовский адрес из маминого блокнота на чистую бумажку и положил ее в карман. Взял и двадцать пять рублей, те, что нашел в сумке матери.

Вот и все. Не задерживаясь больше ни на секунду, Педер вылез в окно и, оглядевшись, не смотрит ли кто, спрыгнул на землю.

Если идти прямо по улице, могут увидеть. Поэтому Педер вышел огородами на колхозное поле, оттуда на тропинку, потом на большую дорогу и зашагал в сторону мельницы. Он знал, что идет правильно, и теперь его никто уже не может остановить.

Стоял жаркий полдень, нещадно палило солнце. Даже в поле и то было душно, как в бане, воздух неподвижен, ни малейшего ветерка. Спина у Педера намокла, по лицу текли капли пота. Но он почти не замечал всех этих неудобств. Так на душе его было радостно! Ему даже захотелось петь, и он бы запел, да вдруг кто-нибудь услышит и заинтересуется, куда это он идет один. Лучше уж петь про себя.

Дорогу на Чебоксары Педер знал, хотя ни разу не бывал там. Об этой дороге взрослые часто говорили. Тропинка, проложенная через ржаное поле, спускается к зеленому лугу. Потом будет деревня с глубоким оврагом посередине, а дальше еще одна, в ней большая школа... Пересечешь небольшой лесок и опять по тро-

пинке выйдешь на большую дорогу. По ней непрерывно бегут машины в сторону Чебоксар.

Когда Педер вышел из деревни с глубоким оврагом, откуда-то совсем неожиданно появилось облачко и полил дождь. Педер насквозь промок. Но он все равно не пал духом и оказался совершенно прав: после дождя выглянуло солнышко и быстро все на нем просушило. Вот и верно, что не из-за чего было тужить. Педер еще бодрее зашагал вперед, к деревне с большой школой.

Когда Педер выбрался, наконец, на дорогу, ему не пришлось даже «голосовать». Его сразу посадил один шофер. И упрашивать не понадобилось, он сам остановил машину и предложил Педеру сесть.

Ну и красивая же это была машина! Прежде Педеру не приходилось ездить на такой. Через окно пригревает солнце. Сидеть мягко, и еще покачивает. Можно глядеть по сторонам и все вокруг видеть. Жалко только, что не успел Педер и оглянуться, как вдруг заснул. Проснулся оттого, что его будил шофер:

— Эй, пассажир хороший, в Чебоксары прибыли. Выйдешь что ли?

— Сейчас слезу,— сонным голосом пробормотал Педер, с трудом протирая глаза.

Он хотел отдать шоферу свою двадцатипятирублевку. Но тот решительно отказался.

— На твои деньги я каменный дом все равно не выстрою. Они тебе самому пригодятся, только, смотри, хорошенько спрячь, а то еще, того гляди, потеряешь! Куда тебе надо, знаешь?— заботливо спросил он.

— Знаю.

— Не заблудишься?

— Не-ет, не заблужусь,—успокоил его Педер и вежливо попрощался с добрым человеком.

Шофер высадил его у базара. Педер никуда не выезжал из своей деревни, столько народу он еще никогда не видел. Но он не встретил здесь ни одного знакомого. Все куда-то торопятся, все заняты своими делами, никто не обращает на Педера никакого внимания.

Мальчик долго стоял и молча смотрел на снующих людей. Но стоять некогда, надо как можно скорее идти к отцу. Педер полез в карман, куда спрятал бумажку с адресом. Но ее так намочил дождь, что буквы

все до одной размыло и ни слова нельзя было разобрать. Педер растерялся. Он не знал, что делать. Оказывается, он забыл все: и улицу, на которой жил папа, и номер дома, и номер квартиры. Как быть?

«Эх, дурак я, дурак!— честил себя Педер.— Ну что стоило выучить адрес наизусть?!» По лицу его уже катились крупные слезы.

Но плачь — не плачь, этим адреса не вернешь! Некому было ему помочь. Надо было самому выпутываться из этого глупого положения и решать, как быть дальше.

В голове бродили разные планы. «Может, обратно домой поехать? Или по базару походить, вдруг отец тоже зачем-нибудь туда пришел?»

Не раздумывая долго, он пошел по базару. Чего только тут не продавали и не покупали! И еда всякая тут была, и одежда, и обувь... Разгуливая среди всех этих богатств, он даже на некоторое время забыл об отце. Просто глаза разбегались. В одном маленьком ларьке он купил немножко пряников и тут же их съел. Потом стал в очередь за газированной водой. Но, едва отпив глоток, он торопливо поставил стакан на прилавок и стрелой кинулся в гущу базарной толпы.

— Папа, папа!

— Почему мальчишка словно сумасшедший помчался?— спросил кто-то, стоящий поблизости.

— Шпаненок... Украл, наверно, что-нибудь,— предположил другой.

Но Педер не слышал, что говорили о нем люди, ни на кого не обращал внимания. Расталкивая всех, он пробирался сквозь толпу. Пусть издалека, он все же узнал своего отца... Но куда он делся? Мальчик долго метался по базару, а отца так больше и не увидел. Это показалось ему до того несправедливым, что он совсем уже было расплакался и еле сдержался, боясь, что люди обратят на него внимание.

«Стану-ка я у базарных ворот, должен же отец через них пройти!» — решил Педер и даже обрадовался, что такая дельная мысль пришла ему в голову.

Долго стоял Педер у ворот, тщетно ожидая, пока появится его отец. Устав, присел у забора.

Уже и солнце заходило. Тени на базарной площади

удлинились, стало прохладно, и люди почти все разошлись.

Когда не осталось ни одного человека, старик с черной бородой запер базарные ворота.

Ждать было больше нечего, и измученный, усталый Педер поплелся с базара, сам не зная, куда и зачем идет. Для чего только он торчал целый день у этих ворот! Ведь на другом конце базара были такие же ворота, и отец мог выйти там!

У Педера даже не было сил думать. Он перешел широкую улицу, свернул на узенькую и, тихо плача, побрел без всякой цели. Даже не услышал, как сзади загудела машина. Шоферу пришлось резко затормозить, и он зло закричал:

— Что это ты на ходу спишь, поросенок? В милицию, видно, хочешь попасть?

Педер ничего не ответил, а поспешно свернул в переулок. Дойдя до какого-то длинного здания, он растянулся на траве, росшей вдоль фасада. Там он и лежал, горько плача, пока не уснул.

Проснулся он от громкого разговора. Открыв глаза, увидел, что лежит на диване в незнакомой комнате. Неподалеку о чем-то разговаривали два милиционера, один из них сидел за столом.

— Ой!— воскликнул Педер и испуганно вскочил с дивана. Не могло быть никаких сомнений — его арестовали...

— Не бойся. Тебя здесь никто не обидит,—успокоил его тот, кто сидел за столом.— Товарищ Суров, пойди-ка умой его.

— Как тебя зовут?— спросил второй милиционер, подходя к мальчику.

— Педер,— все еще продолжая бояться ответил он.

— Пойдем, Педер, умоемся! А то смотри, на кого ты стал похож, настоящая обезьянка...— Суров ласково улыбнулся.

Когда они вернулись, милиционер за столом сказал:

— Ну вот, теперь, по крайней мере, выглядишь как человек. Иди-ка сюда, еще волосы надо привести в порядок,— и собственной расческой причесал Педера.— Теперь садись вот сюда!— Он показал на кресло.— И давай познакомимся! Значит, тебя Педером звать?

Мальчик кивнул головой.

— А где ты живешь, Педер?

На этот вопрос как раз Педеру и не хотелось отвечать. Он пробурчал:

— Я нездешний,— и опустил глаза вниз. От испуга у него снова начали дрожать руки и коленки.

— Откуда же ты?

— Я... четайский...— нехотя признался Педер.

— Как же ты сюда, в Чебоксары, попал?

— К папе своему приехал...—Тут Педер снова чуть не заплакал.

— А где он живет, твой папа?

Если бы он это знал!

— Забыл я... Был адрес, стерся, ничего нельзя прочесть...— и в подтверждение своих слов он вытащил из кармана размокшую, измятую бумажку.

— И верно, ничего не разберешь... А давно твой папа живет в Чебоксарах?

— С прошлого года.

— А где он работает?

— Не знаю. В деревне он в артели был счетоводом.

— А зовут твоего папу как? Какая у него фамилия?

— Фетис Васильевич Курков.

— Курков Фетис Васильевич,— повторил милиционер, сидевший за столом, быстро записал фамилию, имя и отчество на бумажке и передал второму милиционеру.— Товарищ Суров, сходи в адресный стол, пусть найдут!

Тот козырнул и вышел, а первый продолжал расспрашивать Педера:

— Ты в каком классе учишься?

— В четвертый перешел.

— О, да ты еще совсем молодой! На-ка, посмотри этот журнал, в нем картинок много.

Педер стал листать «Огонек»— там и в самом деле было множество превосходных картинок, но от волнения ни одной как следует не разглядел. «Что же они со мной сделают?»— только об этом он и мог думать.

Не прошло и полчаса, как Суров вернулся.

— Нашли, товарищ лейтенант,— доложил он,— все порядке.

— Вот и хорошо! Проводи мальчика!— И еще что-то шепнул ему.

— А далеко мы с вами пойдем?— осмелился спросить Педер, когда они вышли на улицу. Ему снова показалось, что его хотят засадить в тюрьму.

— Совсем недалеко, скоро дойдем,—ответил тот.

— Дядя милиционер, отпустите меня домой, пожалуйста!— взмолился Педер.

— Нет уж, доведу до места, как мне лейтенант приказал!

— Если вы ничего не скажете, он и не узнает. Я сразу сяду на машину—и домой, ни одной минуты тут не останусь. И, честное пионерское, больше никогда из дома не убегу.

— Чудак ты, право! К своему папе приехал, а теперь не хочешь к нему идти!

— А вы... правда, меня к папе ведете?—Педер от радости даже подпрыгнул.— Ой, дядя милиционер, какой вы хороший! Спасибо вам, дядя милиционер!

Глазенки у мальчика засияли. Всю дорогу он весело болтал с Суровым. А идти им пришлось порядочно. С одной улицы они сворачивали на другую, поднимались в гору, спускались вниз.

Улицы все были гладкие и чистые. По обеим сторонам стояли высокие каменные дома, мимо без конца шли люди, и, обгоняя одна другую, бежали машины. Вот они какие Чебоксары, чувашская столица!

Когда дошли до желтого четырехэтажного дома, Суров остановился:

— Должно быть, здесь,— сказал он, заглянув в бумажку с адресом.

Они вошли во двор и направились к третьему подъезду. По каменной широкой лестнице поднялись на четвертый этаж, и Суров еще раз взглянул на свою бумажку.

— Здесь,— уверенно сказал он и нажал на кнопку одной из дверей.

Раздался звонок, и вышла не очень молодая женщина с белой кудрявой головой в длинном цветастом халате.

— Что вам угодно?— испуганно спросила она милиционера тоненьким голоском.

— Здесь живет Фетис Васильевич Курков?

— Да, здесь. Зайдите, я сейчас его позову.

Они вошли в переднюю и остановились у порога. Милиционер впереди, Педер сзади. Через минуту появился отец Педера. Он был совсем не такой, как дома. И волосы иначе причесаны, и этой розовой рубашки и яркого галстука он прежде не носил.

Фетис Васильевич вопросительно посмотрел на милиционера.

— Вот, товарищ Курков, сына вам привел,— сказал Суров.

— Какого сына? Педер, это ты?

Тот выступил вперед, и отец, покраснев, подошел к нему.

— Я... приехал,— виновато заулыбался мальчик.

— Как приехал?

— Вот так, взял и приехал. Только твой адрес стерся...

— Мать-то знает?

Педер кивнул головой.

Тут Суров рассказал, как он ночью нашел спящего на улице Педера. Отец, слушая его, удивленно и укоризненно качал головой.

— Ну, до свидания, Педер!—сказал Суров напоследок и побежал вниз, стуча каблуками по ступенькам.

В переднюю снова вышла женщина с белыми волосами.

— Что случилось, Тиша?— спросила она.

— Вот,— виновато объяснил отец Педера,— сын приехал.

— Сы-ын? Это еще почему? Кто его сюда звал? Сам ты что ли его сюда выписал?

Из комнаты выбежали две такие же беленькие, как женщина, девочки.

— Как тебя зовут?— спросила Педера старшая.

— А где ты живешь?— спросила младшая.

— Юля, Валя, сейчас же уходите отсюда!— прикрикнула на них женщина.— Чего тут не видели? Мальчик всякую заразу мог занести, а вы еще и рты раскрыли! Сейчас же убирайтесь, слышали!

Те нехотя подчинились.

Белая женщина зло посмотрела на отца Педера.

— Мог бы, кажется, доесть сперва... Не убежит никуда твой ненаглядный!— сказала она сердито.

— Послушай, Педер, ты подожди здесь, а я сей-

час...— пробормотал отец и вслед за женщиной скрылся в комнате.

Они о чем-то громко разговаривали, но Педер за закрытой дверью не разбирал слов. Потом как будто успокоились. А немного погодя женщина позвала своих дочерей, и слышно было, как они прибежали. До Педера донесся вкусный запах блинов. Ему очень захотелось есть, и он, сидя в передней, с нетерпением ждал, когда же, наконец, и его позовут обедать. Но никто его так и не позвал. Отец вышел из комнаты, на ходу надевая пиджак.

— Пойдем!— сказал он, открывая дверь на лестницу.

Они вышли на улицу. Отец смотрел сердито, молчал и шагал так быстро, что мальчик с трудом поспевал за ним. Молчал и Педер.

— Ну, зачем ты убежал из дому, объясни, пожалуйста!— зло спросил отец, когда они свернули уже на другую улицу.

— А зачем ты, папа, сам убежал?— неожиданно для самого себя спросил Педер.

— Это не твое дело! Я взрослый человек, а ты ребенок, сопляк еще! Тоже... у меня отчета спрашивает! Хорошо еще, что меня тут знают, привели тебя ко мне... А так бы заперли — и все...

Педер молчал, не понимая.

Когда они проходили мимо продовольственного магазина, отец зашел туда и купил булку.

— На, ешь! Голодный, наверно, как бездомный пес!

Педер ел на ходу. Он думал, что отец ведет его осматривать город и радовался. Но когда они дошли до конца улицы, отец остановился.

— Ты постой здесь, я скоро выйду,—сказал он и исчез за дверью какого-то деревянного здания.

Перед домом стояло несколько автобусов и легковых машин. Педер посмотрел на них с удивлением. «Неужели и по городу столько ездят?— подумал он.— А куда же они все ездят?» Вскоре к нему подошел отец.

— Ну, все в порядке!— уже не так сердито сказал он.— Билет купил, пойдем, посажу!

— А куда мы поедем?— обрадованно спросил Педер.

— Не мы поедем, а ты! И как это «куда»? Домой поедешь, не знаешь, что ли, где твой дом?

— Мой дом? А твой дом где, папа? Разве...

— Поразговаривай еще у меня!— оборвал его отец, даже покраснев от злости.— Смотри, опять попадешь в милицию, тогда так легко не отделаешься. Отправляйся! Приехать сумел, сумей и уехать!

И он торопливо втолкнул сына в автобус. Едва Педер успел сесть на свободное место, мотор заработал. Мальчику хотелось еще раз взглянуть на отца, помахать рукой. Он просто не мог поверить тому, что тот говорил, наверно, ему послышалось. Но отец даже не дождался, пока автобус тронется. На остановке его уже не было, и рука Педера повисла в воздухе.

Тут у мальчика почему-то закружилась голова, все кругом поплыло.

«Нет, это, видно, был не мой папа,— с горечью подумал Педер.— Наверно, это другой дядя, просто похож на него. Где же он, мой отец?»

Из глаз его потекли горячие, горькие слезы, но он быстро вытер их краем рубашки. Не хотел, чтобы чужие люди видели, как он плачет.

Автобус, поднимая облака пыли, мчался по дороге все дальше и дальше от Чебоксар. Он вез Педера домой, к матери.

СВЕТЛЫЙ ПРУД

Сколько листьев упало с осеннего ясеня на землю, столько верст отшагала Лиди за десять лет. На две деревни — одна средняя школа. И до нее не так уж близко...

Наступила весна. Распушились деревья.

У Лиди — аттестат зрелости.

Когда Лиди в последний раз возвращалась из школы, навстречу ей из-за огородов вышел смугловатый стройный парень. Это был Варсонофий Таптаков, отшагавший те же версты, но двумя годами раньше. Теперь он работал в колхозе бригадиром дорожной бригады.

— Лиди,— сильно смутившись, сказал Варсон,— у меня для тебя есть письмо...

— А ты что, почтальоном стал работать?— удивленно спросила девушка. И было чему удивиться. Ведь Варсон ничего выше своей работы не признавал, сравнивая к месту и не к месту свою дружную бригаду с саперным отрядом.

— Нет... То-есть... Вот это письмо. Но ты прочти его, когда придешь домой. А потом изорви. Хорошо?

— Ну, если ты просишь, порву,— ответила девушка, пряча письмо в карман фартука. И поспешно зашагала домой. Придя домой, она села на маленькую скамейку в саду, вскрыла письмо. Варсон, старательно выводя буквы, писал:

«Лиди! Сказать тебе словами не смог. Мне показалось легче написать все в письме. Ты не смейся и не сердись. Я все время думаю о тебе. Люблю тебя. Люблю давно. Но до сих пор не открывал свое сердце. Теперь ты тоже окончила школу. И вот пишу: я люблю тебя! Люблю больше всех на свете. Ты всегда передо мной, приветливо смотришь на меня своими карими глазами. Мне хочется всегда быть с тобой. Сидеть рядом...

Если ты напишешь в ответ хотя бы два слова, я буду очень и очень рад...

Любящий тебя навеки В.»

Никогда Лиди не получала таких писем. Поэтому она читала и перечитывала послание Варсона... Встала со скамейки, повернулась несколько раз кругом и, пританцовывая, как легкая бабочка, в своем белом платье, запорхала меж яблонь. Не удержавшись, запела:

Тихо плещутся волжские волны
И качают лодку слегка.
Я довольна, я очень довольна,
Моя радость в моих руках...

Песня, как птичка, выпорхнула в поле, догнала шагавшего парня, остановила его, повернула обратно. Заставила тревожно и радостно забиться сердце.

— Лиди!— негромко окликнул он девушку, подойдя к забору.

— Ай... Варсон, что ты подслушиваешь?— удивилась Лиди.— Только что хотела пойти написать тебе ответ, а теперь не дождешься.

— Почему? Пожалуйста, напиши, Лиди...

— Нет. Если б ты не приходил...

— Все равно напиши.

И, замолчав, они долго выщипывали щепочки из досок забора.

— Пойдем, дочка, в огород. Помоги мне,— попросила мать Лиди на следующий день, лишь только та присела к столу, чтоб написать ответ Варсону.

Лиди, вздохнув, отправилась с матерью. Отец Лиди погиб на войне, остались она и младшая сестренка. Матери было очень трудно и в поле и дома. И Лиди, как старшая дочь, ощутимо помогала матери.

Огород находился за околицей, в низине, и занимал несколько гектаров. Капуста, огурцы, помидоры, лук, морковь... Глянешь с бугра и поразишься: сколько трудов стоило женщинам, обработать этот огород. И кажется, что невозможно небольшой женской бригаде справиться с такой площадью. Но, как говорится, глаза боятся, а руки трудятся... Большой доход дает колхозу этот огород.

— Земля высохла. Вечерами овощи нужно поливать вручную,— говорила мать Лиди, шагая меж аккуратных грядок.

— А сегодня что будем делать?

— Здесь работы хватит на все лето. Но по работе и овощи, так что, дочка, придется постараться.

Показались женщины с лопатами, железными граблями. Послышались смех, шутки. Поднялась песня над головами приступивших к работе женщин. Кто рыхлил землю, кто носил из далекого, заполненного илом пруда воду для полива.

Лиди работала наравне с остальными...

— Куда это ты идешь?— однажды вечером спросила Лиди, встретившегося Варсона.

— Да, собственно, никуда. В эту ночь я дозорный по деревне...

— Уж очень ты рано вышел на дежурство.

— И хорошо, что рано, иначе тебя б не встретил... Ну, как, хорошо работать в огороде?

— Хорошо-то хорошо. Между небом и землей весь день. Но, сказать по правде, от подноски воды вот здесь ноет,— ответила Лиди, поглаживая округлые плечи.

— Очень рад помочь тебе,— тихо прошептал Варсон.

— Что ты говоришь, была б я там одна, тогда другое дело...

— Может, посидим на бревнах?— предложил Варсон.

И долго-долго сидели молодые люди. А о чем говорили — известно им одним.

На следующий день Варсон вновь оказался у огорода. Девушки, сгибаясь под тяжестью полных ведер, подносили для полива воду. Прячась, он высматривал Лиди. Наконец, увидел ее. «Эх, подойти б да помочь. Но разве в деревне поймут, на смех поднимут...»

И тут его осенило.

— Иван Федорович! Мне нужно поговорить с вами,— обратился Варсон, зайдя в правление колхоза к председателю.

— А-а, сапёр! Заходи, заходи,— пригласил он Варсона в кабинет.— Ну, с чем пришел? Выкладывай.

И Варсон, волнуясь и сбиваясь, заговорил о том, как трудно работать женской огородной бригаде. Как далеко приходится ходить им за водой, как они устают за долгий летний день.

— А ведь можно облегчить их труд. Рядом с огородом овраг. А из старого пруда, что выше огорода, в овраг стекает вода. Если запрудить ручей, получится второй пруд. Можно установить старый насос...

— Ты у нас хороший сапёр,— немного подумав, ответил председатель.— Но для этого дела кто нам отпустит трудодни? Где взять людей? Очень тяжело, браток!

— Я, Иван Федорович, говорю о небольшой запруде на время поливки овощей...

— Нет, Варсон. На временные запруды мы вовсе не можем расходовать трудодни.

— А если сделать воскресник? Моя бригада согласна. Да и колхозники...

— А думаешь, что колхозники сидят без дела?

— Да мы силами молодежи, комсомольцев...

— Ну, попробуй. Попытка не пытка. Ты же—комсомольский вожак...

— Спасибо, Иван Федорович!

И Варсон выскочил из правления колхоза.

В воскресенье вся молодежь во главе с дорожной бригадой заполнила небольшой овраг. Рубили колья, ставили запруду.

Лиди работала наравне со всеми. Нарезала дерн, носила на носилках с подругами...

Овраг заполнялся водой.

Утром с восходом солнца Лиди прибежала посмот-

реть, наполнился ли овраг водой. У запруды стоял Варсон.

— Лиди, смотри!

Вода чистая, прозрачная поднялась до самых краев оврага.

— Ой, какой он светлый!

— Светлый пруд! Этот пруд я дарю тебе, Лиди...

Бригада Варсона заканчивала строительство моста. К полудню по дороге в район зашагали нарядно одетые парни, девушки. Варсон пристально всмотрелся вдаль и отбросил топор.

— Идет!— прошептал он, когда на дороге показалась Лиди. В белом с синими цветочками платье русского покроя.

— Кончайте работу, мальчики! А то праздник убежит!

— И правда, ребята, нужно кончать,— сказал Варсон.

Праздник песни был в разгаре. Веселая музыка подбадривала, приподнимала, заставляя шире и веселее шагать. Варсон долго разыскивал Лиди, наконец, он увидел ее. Лиди была не одна, а с двумя парнями. Они все время прохаживались взад и вперед по лугу и о чем-то говорили, смеялись. Лиди, заметив Варсона, кивнула ему головой, улыбнулась. Он стоял, не решаясь подойти к ней при людях. Ему казалось, что Лиди взглядом подзывала к себе. Он злился и на себя, что не может побороть какую-то сковывающую робость, и на Лиди. Наконец, не выдержал и, сев на велосипед, помчался в сторону своей деревни.

Но ревность мгновенно выгнала его из дома, заставила зашагать по дороге, ведущей в район.

— Пойду навстречу ей. Посмотрю, с кем она вернется,— с досадой думал он.

Едва вышел за околицу, он увидел одинокую фигурку Лиди.

— Лиди, погоди!

Девушка даже не обернулась.

— Лиди, постой! Только одно слово... Лиди.

Ответа не последовало.

Несколько дней они и не разговаривали друг с другом. Лиди не могла так быстро простить Варсону испорченный из-за глупой ревности праздник. Варсон, чувствуя свою вину, не решался первым подойти, извиниться.

...Скоро Варсона и его одногодков призвали в армию. Провожали парней не только родные, но и девушки. До самого райцентра Лиди шагала рядом с Варсоном:

— Вот и солдаткой я стала,— невесело шутила девушка.

— Ничего, Лиди. Отслужу и вернусь. Не на войну же я иду...

— Отец тоже так говорил, когда мать провожала его перед войной в военкомат...

— Ты только пиши мне чаще. Я каждый вечер буду тебе писать...

— Теперь уж буду. Обязательно...

И долго мелькал перед глазами уезжающего Варсона белый платок, словно легкое белое крылышко.

Прошел год. У Лиди прибавилось много радости. А самой большой радостью явилась поездка с подругами в Москву на сельскохозяйственную выставку. Хорошо поработали девчата. Хорошо встретила и проводила их белокаменная. На всю жизнь запомнила Лиди Москву.

— Молодец, Лиди! Молодец! Пусть только радость ходит по твоему гладкому пути!— писал Варсон.

И опять весна. Она оказалась на этот раз дождливой, загрязненной и простуженной, солнце изредка пробивалось сквозь тяжелые стылые тучи.

Однажды вечером силами драмкружка был поставлен спектакль. В нем выступала и Лиди. Она пела, плясала. После спектакля объявили танцы. И неожиданно ее пригласил на первый вальс незнакомый молодой человек, одетый по-городскому. Он был очень симпатичным, этот незнакомец. Но все портила прическа — небрежная, косматая белесая грива свисала на затылке. Но танцор он был отличный. Да и Лиди не ударила лицом в грязь. Незнакомец не сводил с нее пристального и гипнотизирующего взгляда:

— Не познакомиться ли нам? Виталий Климов,— представился он, провожая ее к креслу.

Лиди назвала свое имя.

— Я не знал, что ваша деревня богата талантами...

— Зачем смеяться...— смутилась Лиди.

— Не спорь со мной. У меня интуиция на талантливых людей.

— Вы из города?

— Да. Попутно заглянул в ваш колхоз. У меня здесь небольшое дельце.

— А в городе работаете или учитесь?

— Ты любопытна. Я работаю старшим художником в самом большом кинотеатре.

— Славная у вас работа,— вздохнула Лиди.— Для этой работы нужен большой талант.

— М-мда, в нашем деле без таланта далеко не пойдешь.

До дому провожал новый знакомый. Взяв ее под руку, не спеша шагал, заботливо помогал обходить лужи и выбоины. Расхваливал городскую жизнь и свою работу. Пожелав доброй ночи, он как-то неожиданно поцеловал ей руку.

Утром мимо окон дома Лиди прошел молодой человек.

— Ой, ой, кто это идет к нам?— воскликнула мать, торопливо принявшись убирать разбросанные по горнице вещи.

— Это приезжий из города,— узнала Лиди и, быстро глянув в зеркало, поправила прическу.— Но, что ему нужно?

— Входите, пожалуйста,— разрешила она, услышав стук в дверь.

— Мир дому сему!— приветствовал гость, протягивая руку матери, потом дочери.— А это — тебе,— протянул он букет ландышей Лиди.

— Ой, благодарю. Но где вы их достали?

— Кто ищет, тот всегда найдет. Нет, нет, мерси, хозяюшка. Я только-только откушал,— отказался от угощения Виталий.

— Кто же вас успел угостить?— спросила мать Лиди.

— О, у меня везде друзья. Вы простите за беспокойство. Я зашел проститься с вашей дочкой.

— Уже уходите?— спросила Лиди.

Девушка проводила его до самой околицы.

— Знаешь, детка,— говорил он, шагая рядом,— тебе надо перебраться в город. Здесь пропадет твой талант, не успев расцвести. А в городе ты станешь известнейшим человеком.

— Ой, Виталий! Но в городе такими, как я, хоть пруд пруди. Да и что я там буду делать?

— Как что будешь делать? Можно и учиться, и работать, ну... а если пожелаешь, такие как ты могут и просто жить.

— Как это просто жить?

— Ты же красавица. Выйдешь замуж...

— Замуж?— Лиди громко рассмеялась.—А где он, жених-то?

— А чем я не жених?

— Вы, оказывается, мастер шутить.

— Совершенно серьезно говорю! Я тебя полюбил с первого взгляда. Никогда не влюблялся так. Сам не понимаю, что со мной. Клянусь тебе!— Виталий взял девушку за обе руки.— Если ты выйдешь за меня, будешь жить, как тебе хочется: хочешь работать — работай, нравится учиться — учись. Я тебе нисколько ни в чем препятствий чинить не буду... Как? За тобой слово,— парень прижал руки девушки к своему горящему лицу, глядя на нее замутившимся взглядом.

— Нет, нет! Об этом не может быть и речи!— попыталась отступить назад Лиди, дрожа всем телом.— Я пока не собираюсь замуж.

— В таком случае — хорошо! Я тебя особенно не тороплю. Но знай, все сказанное — от чистого сердца. Обдумай. Дней через десять я опять приеду. Но приеду, чтоб увезти тебя.

Он тут же обнял совсем растерявшуюся девушку, крепко поцеловал и быстро зашагал по дороге.

* * *

А лето выдалось на редкость жаркое. Почва, как под в печи, потрескалась, задышала жарко, колюче. Хлеба перестали расти, а листья на деревьях и трава в лугах, как испеченные, желтели, свертывались. Пришла засуха.

Председатель колхоза с приезжим из района, с утра объехав поля, собрал к обеду весь деревенский актив.

— С завтрашнего дня будем поливать посевы кукурузы. Нужно привлечь всех трудоспособных. У городских шефов попросим несколько водовозных машин,— предложил председатель.

— Что это за порядочки,— принялись за пересуды всегда чем-то недовольные старухи.— Вот дожили. Бога-то забыли. Вот он и отвернулся. Раньше в таких случаях проще поступали.

— И-и, не говори, кума.

— Раньше проще было. Выходили в поле с кашей. Жертву принесешь, бывалоча-то, ан глядишь — ночью и дождик пойдет.

— И что выдумали — на машинах по полям разъезжать.

— Всю воду заберут, а чем же поить скотину-то.

— А Волга на что?— урезонивали старух молодайки.

И весь остаток дня работал местный радиоузел, голосом Лиди давая указания, кто что будет делать. А вечером следующего дня, когда чуть захолодало, радиоузел заговорил снова:

— Товарищи колхозники и колхозницы! Правление колхоза просит всех выйти на поливку кукурузы. Поспешите. Стало прохладно, время поливать!..

И все, довольные и недовольные, побежали вниз по улице, в поле. Лиди торопилась вместе со всеми. Ей почему-то не хотелось, чтоб из Светлого пруда тоже брали воду. Он в последнее время от жары заметно обмелел и уже не был таким чистым и светлым, как до призыва в армию Варсона. Лиди догадывалась, что он частенько поправлял запруду, отгонял вниз по водостоку зацветшие воды и водоросли. Но Варсона не было, и некому стало следить за подаренным ей прудом. И он во многих местах зацвел ряской, тиной и начал мелеть и как-то весь потускнел. А может быть, Лиди так казалось. Может, глаза пригляделись, а может быть, она уже подросла...

Подбегая к пруду, она заметила на берегу машины (как потом узнала, такими в городах поливают улицы и тротуары), подводы с бочками. Распоряжался всем

какой-то незнакомый парень в красивой с пальмами и обезьянками канадке навыпуск.

— Кто же это?— по мере приближения, всматриваясь пристально, гадала девушка. Кто бы он ни был, а воду она не разрешит брать. Пусть берут из большого пруда. А эта вода для огорода.

И, крайне обозленная, она набросилась на приехавших.

— Лиди, спокойней, детка!— шагнул к ней парень, вытирая носовым платком мокрые руки.

— Виталий!

— Да, это я. Попросили помочь вам справиться с засухой. Вы ж подшефные...

— А как же вы...— она не успела спросить его, помешали набежавшие девчата и ребята. И все вместе принялись наполнять водой бочки, ведра.

— Дядя Витя,— закричали школьники.— Поехали!

— Вот меня и вызывают. Встретимся вечером,— заторопился Виталий. Машины, набрав воды, уехали.

И, когда закат потускнел и сверкнули первые звезды, колхозники начали расходиться по домам. Обширное кукурузное поле словно ожило заново. Задышало спокойней и прохладней.

— Пойдем-ка домой, Лиди. Мама зовет,— неожиданно догнав шагавшую с подругами Лиди, заторопила ее сестренка.

— Что-нибудь случилось? Что так запыхалась?

— Значит, случилось, если велено тебя немедленно разыскать.

«Удивительно. Зачем я понадобилась дома. Если-бы с мамой что, так сестренка сказала б, а то строит из себя какую-то заговорщицу»,— думала Лиди.

Войдя в избу, Лиди прежде всего заметила бутылки с вином и водкой на столе. За столом мать с Виталием. Он сразу же вскочил, подошел к ней:

— Вот и явилась кормилица. Ну, золотце мое, здорова ли, как поживаешь?—приветствовал он, наклонившись, чтоб поцеловать руку.

Лиди отдернула протянутую было руку, удивленная.

— Как вы так неожиданно нагрянули?

— О, я человек слова и дела. Или забыла наш разговор?

— Этого-то я не забыла... Но я вам ничего не обещала...

— Ну, неважно. Садись. Вместе с мамой все и обсудим. Утром из города за нами приедет машина...

— Как... за нами? Я пока никуда не собираюсь уезжать.

— Смотри-ка, мама, как она разговаривает?

— Лиди, ты не маленькая, веди себя приличней. Ты все ж не с деревенщиной каким-то разговариваешь,— прикрикнула мать, разгоряченная от выпитого.—Садись за стол!

Лиди присела на краешек стула.

— Теперь и шампанскому пора! Чтоб пробки в потолок! Чтоб слово на язычок!— посыпал прибаутки Виталий, отдирая с горлышка серебристую бумагу. Пробка хлопнула, мать, вздрогнув, заулыбалась. Золотистая пена шапками прикрыла края стаканов.

— Поднимем! За наше будущее счастье,— и Виталий залпом выпил стакан.

Лиди долго упрямилась, не пила и лишь после второго тоста, как цыпленок носиком, притронулась к краешку стакана.

— Наивная ты еще, дочка. Ничего не понимаешь,— начала мать, выпив шампанского.— Вот я дожила до седых волос, а такое вино впервые пробую. Если б не добрый человек, я и не знала бы о существовании такого вина. Не ломайся, выпей за свое счастье! Парней нельзя сразу обижать...— хотя последние слова и были сказаны на ушко дочери, Виталий расслышал и расплылся в улыбке.

— За свое счастье я всегда успею выпить. Лучше, мама, я за твое здоровье выпью.

Разговор пошел веселее.

— А не позвать ли нам и соседей?— предложила мать.

— Правильно!— поддержал Виталий.

Лишь мать вышла, Виталий пересел к Лиди, стал целовать, нашептывая ласковые слова.

— Золотце мое. Я без тебя и дня не смогу прожить. С тех пор, как увидел тебя, потерял и сон, и на еду не могу смотреть. Пожалей меня. Выходи замуж. Согласись...

Пришли соседи — Васюк с женой. Виталий поспешно принял достойный случаю вид. Мужчины отделились. Стали пить, завели разговор о столице. Жена Васюка, тараторя по-сорочьи, принялась расхваливать жениха.

— И где вы нашли такого красавца? Вот счастье соседушке подвалило. Говорят, «судьба стоит в сенях». Мы сами, не замечая, выгоняем ее из сеней.

— Слышь, дочка, что добрые люди говорят? Да я б на твоем месте и не раздумывала.

— А я что говорю? — тараторила жена Васюка.— Человек виден по походке, как хорошая птица по полету. Неужели ты хочешь и себя, как мы, сгубить, копаясь в земле? Мы ничего здесь хорошего не видели. А ты вот в городские попадешь! Счастье-то какое...

...В избе всю ночь горел свет. На заре ушли соседи, распевая веселые песни. Виталия устроили в сенях под пологом. А Лиди с матерью так и не прилегли в эту ночь. Мать принялась собирать дочь в дорогу. А Лиди, растерянная, подавленная всем случившимся, вышла в сад.

«Что ж получается? Неужели так быстро забыть Варсона? А что за человек Виталий? Разве узнаешь. Может, он, действительно, хороший. Да и не простой он человек — художник! Культурный! Вот он говорит, что не запретит мне ни учиться, ни работать. А я обязательно буду учиться. Может, артисткой стану. В городе все легче. А Варсон? Ведь он же любит. Да и что подумает его сестра, моя закадычная подружка?»

Она тихо затворила калитку, вышла на улицу.

— Я все знаю,— торопливо заговорила Нина, появившись из темноты.— Эх, ты, а еще подруга. А что я скажу Варсону?

Лиди, низко опустив голову, молчала. Вдруг она почувствовала, что Нина трясется как в лихорадке.

— Как же получилось, Лиди, расскажи все по порядку. Не бойся, расскажи...

— Я не боюсь,— тяжело вздохнула Лиди,— в город я уезжаю, учиться хочу.

— Зачем кривить душой. Ты замуж выходишь.

— Не знаю.

— Лиди! Обдумай хорошенько. Не уезжай так вдруг.

Почему-то Лиди смотрела на подругу все отчужденнее.

— А если и выйду замуж, так это тебя не касается.

— Лиди, не спеши только.

— Сама не маленькая. Нечего меня учить.

— Э-эх, Лиди!

И Лиди, медленно отступая, вошла во двор.

Быстро летело такси. Промелькнула Волга. Показался город...

С въездом в город сердце девушки наполнилось радостью. Стало легко, весело. Машина, пройдя через площадь, остановилась посреди кривой улочки.

— Благодарю за аккуратную доставку,— расплатился Виталий.— Отсюда добираются только пешком.

По узенькой тропинке они поднялись к пятистенному дому, примостившемуся в зелени на краю обрыва. На стук вышла худенькая седая старушка.

— Женился, Таисия Николаевна.

— Давно пора,— заметила хозяйка, протягивая руку.

Познакомились.

Крохотная комната с одним окном, низеньким столом, покрытым газетой, неприятно поразила Лиди.

— Ты не удивляйся на убожество,— присев на односпальную кровать, заговорил Виталий.— Все чепуха! Не бойся. На днях приобретем обстановочку — ахнешь! Теперь я женатый человек. И квартира с ванной будет. Положен-н-о! И заживем с тобой, как фон-бароны!

...Утром, после чая, Виталий повел молодую к своей тетке.

— Она очень хорошая женщина. Много помогала мне. Надо почтить родственницу визитом. Думаю, вы с ней поладите...

Тетка жила на улице, растянувшейся на дне оврага. С одной стороны прочно сколоченного дома — застекленная терраса, с другой растут ягодные кустарники. А на задах — нечто вроде сада.

Но внутренняя обстановка удивила Лиди. Везде ковры, дорогие красивые вещи. Такого она и в кино не видела.

Тетка сидела посреди передней за круглым столом, раскладывая на атласной скатерти карты. Среднего роста, лет под тридцать пять, она была недурна собой, зато кругла, как шарик. Толстые губы накрашены. В ушах массивные серьги. В зубах сигарета.

— О твоих похождениях мне рассказали карты. Некому тебе надрать уши!— сказала она вместо приветствия.

— Здравствуй! Все ли в порядке?— подал ей руку Виталий.— Вот и моя жена — Лиди. В дальнейшем сами будем распоряжаться всеми деньгами, которые тебе отдавал на хранение.

— Вижу, вижу. Догадываюсь, куда клонишь. Однако не спеши о делах. Садись лучше, попрыгунчик. Попьем чайку с вареньем,— предложила тетка, поразив Лиди холодным липким взглядом.

За столом тетка была шумно веселой. Шутила. Рассказывала анекдоты. Виталий не отставал от нее.

Прощаясь, тетка достала из окованного железом сундука нераспечатанную пачку денег.

— Здесь тысяча рублей. На первое время хватит. Запомни, не торопись расходовать деньги. В жизни все может случиться...

Лиди не поняла смысла последних слов. А потом не решилась спросить у Виталия.

Весь день он водил Лиди по городу. Познакомил с администратором кинотеатра:

— Андриян Борисович! Я зашел специально, чтоб сообщить, что женился. Представляю мою супругу...

— Хорошо! Очень хорошо! От души поздравляю, счастья вам, молодые!— говорил администратор, пожимая руку Лиди.— Однако помни, Виталий, семейному человеку нужно вести себя скромно и порядочно.

— Ну, Андриян Борисович, я ж не ребенок. Это так же известно, как и то, что в небе есть солнце! Но как быть с жильем, Андриян Борисович? Напишите ходатайство о предоставлении мне квартиры.

— А почему и не написать? Можно и сейчас.

С бумагой они направились в горсовет.

— Порядок — записан в очередь нуждающихся,— потирая руки, радовался Виталий, выходя на улицу.— Теперь можно и пообедать.

Зашли в ресторан. После третьей рюмки молодожена повело.

— Лидинка, я за многими девушками ухаживал, но такую, как ты, встретил первый раз. З-знаешь, детка, жена художника должна быть красивой, как цветок. Я тт-тебя одену, как куколку. И о деньгах не печалься. Я все могу! Из воздуха и то сделаю тыщи! А тетке — шиш! Хватит! Отказначеилась!

Лиди стало неприятно от хвастовства подвыпившего супруга.

Через несколько дней Лиди, собрав нужные документы, подала заявление в театральную студию. Экзамены через месяц. И Лиди стала готовиться к ним.

Виталий с утра до ночи пропадал на работе и не мешал ей. Но с некоторых пор он стал заявляться домой сильно под хмельком, оправдывая задержку загруженностью на работе:

— Сегодня пришлось покалымить. Опрыснули получку с товарищами.

Лиди несколько раз напоминала ему, что нужно оформить брак. Мать наказывала ей сразу же по приезде в город зарегистрироваться, но вот уже несколько недель они жили, как случайо встретившиеся люди.

— Э-э, куда торопиться. Не срочное дело. Загс не сгорит и никуда не убежит,— утешал ее супруг.

После последнего такого разговора он почти каждый вечер стал возвращаться домой пьяным. А недавно какие-то чужие люди привезли его в стельку пьяным и, бросив как мешок с овсом, уехали. Когда он пришел в себя, Лиди попыталась приструнить его.

— Не учи, детка! Своя голова на плечах, чужой мне не нужно. Я —творческий человек. А в нашем деле нельзя без этого... Выпьешь, и усилится воображение.

Лиди ничего не смогла возразить. Но в тот же день он вернулся вдребезги пьян.

— Жена-а! Где ты?— крикнул он, ввалившись в комнату.— Подь сюда! Так-то ты встречаешь своего кормильца? Обними! Сейчас же поа-целуй! Вишь, сколько я заработал! На! На! Бери! Все тебе!

Он горстями вынимал деньги из карманов. Бросал ей под ноги. Расшвыривал по комнате.

Лиди от страха задрожала, как лист.

— Что ты делаешь?

— Как что? Я не вор, не бандит. Все заработано трудом. К тетке не пойду, ее голодную утробу не накормишь... Хватит! Шабаш! Жулик она! С живого шкуру сдирает...

Он говорил что-то непонятное. Потом, не раздеваясь, свалился на кровать и захрапел.

Лиди осторожно, как осколки разбитого стекла, стала собирать разбросанные по комнате десятки и сотни. Около трех тысяч насчитала она.

«Откуда они? Каким образом можно столько заработать? Чистые ли они?»

Утром Виталий вспомнил о них. Торопливо подсчитал. И, разделив на две части, рассовал по карманам:

— Половину нужно тетке отдать. Это ее доля, иначе она с костями слопает меня,— бормотал он, оправдывая свою торопливость.

— Ты не сердись. Не думай плохо...

— По мне хоть все отдай.

— Нет! Нам и самим нужно жить!— он попытался обнять жену, но та отстранила его руки, отошла в сторону.

Виталий, обидевшись, вышел из дома.

Лиди не могла понять происходящее. Что делает ее муж? На какие средства он так напивается? Когда он работает?

Она ходила в кинотеатр, но и там ничего не узнала. Да и кто ей, недавно приехавшей из села, смог бы объяснить происходящее. Ни друзей, ни хороших знакомых. Не с кем даже поделиться своими сомнениями. Некому излить душу.

Одно утешало ее — мечта поступить учиться. Но после экзаменов погасла и эта поддержка — не приняли.

Такого удара судьбы она не ожидала. Лиди замкнулась в себе. Почти не разговаривала с мужем. Да и что говорить?— не поймет. Иногда, когда ей становилось совсем невмочь, она приходила на половину хозяйки, Таисии Николаевны. Та, много пережившая на своем нелегком веку, умела одним-двумя словами ободрить, успокоить молодую женщину:

— Не печалься, голубушка! Жизнь артиста — не жизнь! Бродят зимой и летом, как цыгане. Что хоро-

шего нашла ты в профессии артиста! Живи, пока живется. Пусть муженек работает. А на следующий год и в другое учебное заведение сможешь поступить.

— Но, Таисия Николаевна, не верю я что-то Виталию. Какой-то он беспорядочный человек...

— Мужчина есть мужчина! В наше время нужно и потерпеть. Другие девки в вековухах сидят. Со временем и Виталий успокоится. Перемелется, мука будет.

— А если вместо муки муки будут?

— Ничего, ничего, придет время — и ему корова на ногу наступит.

Как-то Лиди сказала Виталию, что затосковала по деревне. Виталий не возражал, а, как показалось ей, даже облегченно вздохнул.

Время близилось к осени. На улицах тишина. Воздух чист и бодр. Мать с сестренкой обрадовались приезду Лиди. Угощали самым лучшим, стараясь угодить ей. Расспрашивали о муже, о жизни на новом месте.

Вечером Лиди пошла в колхозный огород. Там уже созрели помидоры.

Подойдя к пруду, она вспомнила слова Варсона:

«Светлый пруд я посвящаю и дарю тебе...» Сколько радости принес ей пруд. Сколько красивых песен спела она!

Деревенские подруги почти все были в огороде. Пошли расспросы, воспоминания. Они, как всегда, веселы, заботливы. Лиди все б отдала, чтоб вернуться снова в эту дружную, светлую колхозную семью.

И больше ни разу за время пребывания в деревне не пошла в огород.

— Мама, пропала я!

— Что, дочка?

— Тошнит...

— Ой, как можно горевать об этом? Ведь муж есть. И мне радость — внук будет. Поезжай домой и обрадуй зятя.

В городе тревога не улеглась. Что скажет Виталий? Обрадуется ли? На квартире она не застала его. Все было так, как она оставила, когда уезжала.

— Как уехала ты, Виталий ни разу не ночевал дома и даже днем не приходил,— тяжело вздыхая,

сообщила Таисия Николаевна.—Мор знает, где жил он. Ничего не могу понять...

Лиди встретила его в кинотеатре на следующий день. Он раскрашивал афиши.

— Что так скоро?— удивился Виталий, не поздоровавшись, не обрадовавшись, а скорее даже испуганно.— Иди домой. Закончу работу, приду. Часов в десять вечера, не раньше.

— Почему так поздно?

— Работы много.

Вечером, после долгих колебаний, она все же решилась сообщить ему новость. У Виталия даже ложка выпала из рук.

— Эх, артистка! Ничего лучшего не смогла придумать? Тоже мне радость...

— Да в чем же я виновата?— глотая слезы, проговорила она.

— Пушкин виноват!—закричал супруг.— Лев Толстой! Николай Угодник! Не нужен мне ребенок! Не могу я связывать себе руки!

И, надев пиджак, выбежал на улицу, хлопнув дверью.

Длинной, бесконечно длинной была эта ночь для Лиди. За окном накрапывал осенний дождик. Мысли путались. Голова горела. Жалела себя, ругая, что бросилась первому попавшемуся на шею. Вспомнился Варсон...

Она хотела утром бежать домой. Но Таисия Николаевна удержала.

— Голубушка, ты ж не одна теперь. Успокойся, подумай. Домашняя собака домой же и возвращается. Куда он денется?..

Весеннее солнце припекает все сильнее. Почти весь снег сошел. Овраги заговорили сначала робко и тихо, потом во весь голос. Птицы торопливо принялись устраивать гнезда.

Весна!

Все радуется!

Но Лиди весна не принесла ни капельки радости.

Правда, дочка Маюк... Но что она понимает? И плачет Лиди. И тяжело молодой матери.

Виталий почти спился. Неделями не показывается домой. И ни копейки денег не приносит. Хорошо, что у Лиди были кое-какие сбережения.

Она совсем выбилась из сил от ожиданий пьяного мужа, сомнений, переживаний.

Наконец, лопнуло ее терпение.

Однажды, оставив ребенка на попечении Таисии Николаевны, она пошла в город. Виталий всю неделю не показывал глаз домой. Лиди настойчиво ходила по городу, по всем тем местам, где, по ее предположению, мог находиться муж.

В кинотеатре ей сообщили, что Виталий работает сегодня дома. Лиди даже растерялась от этого сообщения. На какой квартире, в каком еще доме? И тут она вспомнила о его тетке. Она-то наверняка знает, где он.

Лиди открыла ворота и медленно пошла по двору. Но дом оказался закрытым. Беготня по городу измотала силы молодой женщины, и она устало опустилась на ступеньки крыльца, пытаясь собраться с мыслями, успокоиться немного.

Но тут до нее донеслись громкие голоса с террасы. Лиди прислушалась. Говорили двое — тетка и Виталий.

— Какую ты работу там делал?

— Перекрашивал иконы божьей матери. Написал несколько новых икон. Деньги выдали авансом вперед.

— О деньгах не беспокойся. Там работы у них много. Они хотят реставрировать все внутреннее убранство церкви. Не поленишься — завалят тебя деньгами.

— Для них стоит постараться. Щедрые, шельмы!

— А кого ты должен благодарить, поросеночек?

— Кого ж еще? Разумеется, Ларочка, тебя!

Послышались звуки поцелуев.

— Ты у меня умеешь жить, как купчиха шикуешь.

— То-то! А к любимой своей супруге ты заходил в эти дни?

— Какая она мне супруга? Так. Ошибка молодости. Нет, не видел ее.

— В таком случае и не ходи больше. Придется туго, сама улепетнет из города. А товарищам скажешь, что поехала отдыхать к матери. А потом изменила, вышла там замуж. Когда дадут тебе квартиру, этот дом

продадим. У нас с тобой на всю жизнь капитала хватит и детям останется. Верно я говорю?

— Ты же у меня умничка! Не зря дочь бывшего купца третьей гильдии!

Оба захохотали. Этот смех резанул по сердцу Лиди. Как в тумане, сидела молодая женщина.

«Вот это тетка! Какие ж они жестокие! Зачем он заманил меня? Чтоб поиграть и бросить?..»

Лиди поняла, что жестоко обманута. Оплевана. И, качаясь, как пьяная, вышла со двора. Побрела по оврагу. Выбралась в переулок, а потом на улицу. Ничего не видя, шла долго и бесцельно.

Но беда не ходит одна. Переходя улицу, попала в поток машин.

Очнулась она в больнице. Встречная машина зацепила ее крылом. Придя в сознание, она пожалела, что осталась жива. Но тут вспомнила о дочке. Обе несчастные: и мать, и еще ничего не понимающая малышка. Что же делать? С кем дочь? Думы о дочке не давали покоя ни днем, ни ночью.

— О ребенке не беспокойтесь,— утешали ее врачи.— Вчера приходила старушка, справлялась о тебе. А дочь временно устроили в дом ребенка...

«Это, конечно, Таисия Николаевна...» — догадалась Лиди.

«Золотой человек Таисия Николаевна!»

Вечером пришла сестра из дома ребенка:

— Дочка живет хорошо. Отличный аппетит. Смеется,— успокоила она мать.

Лиди начала быстро поправляться. Два переломанных ребра начали срастаться. Временами ей до боли в сердце хотелось к себе в деревню. Она вспомнила все мельчайшие подробности своей жизни. Деревенские подруги, работа в колхозе, учеба, поездка в Москву. Часто вспоминала Варсона, раскаивалась, ругала себя за легкомыслие.

Потом приехала мать. Она, как бы мимоходом, сообщила, что вернулся из армии Варсон, передал ей поклон.

Часто навещала Лиди Таисия Николаевна, принося пироги с яблоками, мед и ягоды.

— Какая вы хорошая, Таисия Николаевна, откуда только берутся плохие?

— Сама удивляюсь,— вздыхала добрая старушка.

Перед окном палаты стояло какое-то развесистое дерево. Лиди не видела его, не могла повернуть головы. Однако как только солнце осветит палату, тень от дерева падает на стену около двери. Лиди любит смотреть, как налетевший ветерок шевелит листвой и тенью. Ей кажется, что они торопят ее с выздоровлением, зовут на улицу.

Недавно ей приснился удивительный сон. Будто она у Светлого пруда ловит рыбу. Рыбки не хотят клевать. Неожиданно из самой середины пруда во весь рост появился Варсон.

Лиди проснулась и вскрикнула. Рядом в белом халате стоял живой Варсон. Из-под халата выглядывала военная одежда. Он окреп, возмужал, лицо загорелое.

— Ты ли это, Варсон?

— Я, Лиди! Салам, милая! Приехал в город, зашел навестить.

Парень покраснел. Засуетился, переминаясь с ноги на ногу.

— Спасибо, Варсон!— едва выговорила Лиди от волнения. Ее бледное лицо тоже слегка порозовело.

— Давно не виделись... захотелось навестить...

— Что навещать? Конченый я человек!

— Лиди, кто тебе вбил такую чепуху в голову? Да для меня ты всегда останешься...

Он не договорил. Отвернулся.

— Ты знаешь, что со мной произошло. Тебе... не нужно было приходить. Я сама виновата.

— Опять говоришь неправильно... Я сам виноват.

— Нет, Варсон, во всех бедах и горестях повинна лишь я.

— Неверно! Ты самый безвинный человек! Виноваты другие,— Варсон ласково дотронулся до ее руки.

Немного погодя, вошедшая сестра попросила удалиться Варсона.

— На той неделе я опять приеду,— распростился с нею Варсон, оставляя на тумбочке завернутый в бумагу сверток.

— Не надо, Варсон. Не расстраивай себя,—печально, но с любовью посмотрев на него, попросила Лиди.

— Не обижай меня, Лиди, прошу тебя.

Его состояние почувствовала и сестра.

— Позволь уж парню. Пусть навещает, если хочет.

— Ну, что ж!

Оказывается, Варсон до сих пор ее любит. Лиди было и приятно и обидно за Варсона. Лиди не сдержалась и рассказала сестре почти все и о Варсоне, и о себе.

— И как ты решилась обидеть такого парня?

— Молода была. Дурой была, голова закружилась. Теперь бы я громко крикнула всем девушкам на земле: не делайте такой ошибки, как я! Да что уж кричать? Потерянного не найти.

Варсон часто наведывался в больницу, приносил сладости, цветы, книги. Как-то, за разговором, Лиди обмолвилась, что соскучилась по дочке. И Варсон принес фотографию Маюк. Оказалось, он специально пригласил фотографа в дом ребенка.

Лиди не знала, как и благодарить Варсона, и только тайком вытирала слезы радости.

И вот однажды он заявился в неприемный день. Он сослался на неотложные дела, и сестра пропустила его на несколько минут в палату.

— Лиди, читай. Правда всегда восторжествует,— с этими словами он вынул из кармана свежую газету.

«Жулики под прикрытием церкви»,— прочла Лиди заголовок. В статье шла речь о Виталии и его «тетке». Нигде не работавшая тунеядка, связавшись с духовенством, обогащалась за счет церкви. Спекулировали иконами, пьянствовали. Загубили жизнь нескольким девушкам. В статье говорилось, что Климова, как одного из главарей шайки, нужно немедленно снять с работы, отдать под суд.

Имя Лиди упоминалось лишь под буквой «Л», статья защищала ее, призывала помочь женщине, попавшей в сети проходимцев.

— Все правильно,— промолвила Лиди.— Но как они узнали?

— Не все скроешь, кое-что и выплывет наружу.

— Мне сейчас хочется благодарить всех людей.

— Послушай, Лиди, можно тебя спросить?

— Почему ж нельзя. Спрашивай.

— Только ты не обижайся...

— Хорошо, хорошо! Говори...

— Как выйдешь из больницы, возьмем твоего ребенка и поедем домой. Ты согласна?

— Домой?— не сразу поняла Лиди.— Куда домой?

— То-есть, к нам. Мой дом пусть и для тебя будет домом.

От удивления Лиди даже приподнялась.

— О чем ты говоришь, Варсон?

— Разве не поняла? Я люблю тебя. Даже больше, чем прежде.

— Нет, Варсон. Я не хочу видеть тебя несчастным. Тебе не нужно инвалидку и... мать не твоего ребенка.

— Об этом не печалься. Но без тебя я весь век буду несчастным. Так и знай. А об инвалидстве не смей думать, врачи говорят, что скоро ты вылечишься и никаких последствий не будет.

Лиди долго лежала молча. Перед ее влажными глазами вновь появился светлый пруд. Как там хорошо, как все мило! Наверное, на всем свете не сыскать такого красивого места...

Она мягко улыбнулась и повернула голову в сторону Варсона. Но в палате его уже не было.

«Опять обидела»,— раскаивалась Лиди. И тут же, подозвав вошедшую старую санитарку, попросила:

— Тетя! Верни, пожалуйста, молодого человека. Мне необходимо сказать одно слово. Пожалуйста, верни!..

●

КРАСАВИЦА АННА

Она вышла из полукруга. Сделала несколько шагов. Остановилась посреди площадки-сцены. И, глубоко вздохнув, запела звонко и чисто:

Волны полнятся, волны плещутся.
Как любовь моя, плещут волны.
И мне хочется, очень хочется
Быть с тобой, как ласточка с Волгой.

Хор девушек широко и сильно подхватил последние слова песни и понес над головами людей, над лесами, полями. Земля, как люди, потянулась к песне каждым листиком, каждой веточкой, каждой травинкой. А песня полнилась, расширялась:

Каждой капелькой волны светятся,
Словно ягодки у рябины.
И мне верится, очень верится,
Что любимые ждут любимых...

Девушка пела.

В черных, как спелая смородина, глазах — выражение ласковой нежности и теплоты. Даже родинка на чуть продолговатом белом, чистом лице, казалось, задушевно выводила мелодию песни.

А девушка пела...

Шелковое платье розового цвета и голубой сапан* украшали ее. Тонкая косынка вспыхивала голубым пламенем над черным аккуратно уложенным венцом кос. На полной высокой груди ярко переливались два ряда светло-зеленых бус.

— Эх, не упустить бы такую красавицу!— тяжело вздохнув, подумал про себя кареглазый парень.

И не упустил...

Выбрав удобный момент, он заговорил о девушке-запевале с пожилым соседом. Тот, видимо, хорошо знавший ее, расхвалил девушку и сообщил все подробности о ней.

— Салам... Ты не знакома со мной, но я знаю тебя. Ты из деревни Кетмели и зовут тебя Анной. Я давно ищу тебя... третий год,— тихо сказал кареглазый парень, подойдя к ней, когда она вместе с другими девчатами спускалась с площадки-сцены.

Анна недоуменно посмотрела на него. Впервые в жизни видит она этого смуглого от солнечного загара парня. Он стоял перед ней дерзкий и немного смущенный. Черные волосы зачесаны назад. Кончик белого платочка кокетливо выглядывает из бокового кармашка синего щегольски сшитого костюма.

— Почему так смотришь на меня? Может, обидел чем?

— Нет, что вы.

— А меня величают Кируш. Скажи, не забудешь мое имя?

— Нет, почему же забуду,— растерянно ответила Анна, в то же мгновение почувствовала, как кровь ударила в лицо.

— Ты пела как настоящая артистка!

— Я же не одна. Это наш колхозный хор так поет.

— Нет, ты пела лучше всех,—и, немного постояв, пригласил Анну кататься на карусели.

Анне ничего другого не оставалось как согласиться. Тем более, что знакомства во время празднеств — давно заведенный обычай. Да и она теперь не босоногая девчонка, а взрослая девушка.

---

*Сапан — фартук, передник.

После карусели Кируш и Анна долго прогуливались по лесной поляне. На красивую девушку и молодцеватого стройного парня все поглядывали одобрительно. И лишь когда начали расходиться люди с праздника песни, Анна, набравшись смелости, сказала, что ей пора домой. Кируш, остроумно и весело болтая, проводил ее до самой деревни.

С этого праздника и началась их дружба...

Голубой осенью Кируш вместе с другими парнями и девчатами, заключив договор на год, уехал на лесозаготовки в Белоруссию. Перед отъездом он сказал Анне, что хочет жениться, а для хорошей свадьбы нужно много денег. На лесозаготовках же можно прилично и быстро заработать. Он долго уговаривал ее пойти в загс и расписаться. Видно, не надеялось молодое сердце, что такая красивая девушка дождется его. Но Анна, ласково улыбаясь, уверила Кируша. Ведь если нет любви на сердце, то на бумаге ее и подавно не бывает.

Анна осталась одна...

Когда Анне было всего пять или шесть лет, у них на квартире жила старая учительница. Анна росла единственной дочерью в семье. Но когда ей исполнилось девять лет, скоропостижно скончалась мать. И старая учительница стала ей чуть ли не родной матерью. Она училась у нее и грамоте, и шитью, и кройке, и чистоте, и аккуратности. И Анна всегда ходила чисто и аккуратно одетой. Может, поэтому, а может, и еще почему-либо другому прозвали ее в деревне «Красавицей Анной».

Отец ее, попросту дед Хведут, спокойный и добродушный, всей душой был привязан к садоводству. Неизменный сторож колхозного сада, он и Анне привил любовь к саду.

Еще недавно в этих местах были только голые бугры да овраги. А теперь колхозный сад вырос и расцвел, как выросла и расцвела Анна.

И вот после недавнего укрупнения двух колхозов, было решено объединить Анаткасинские и Кетмельские

сады в один. А все началось по инициативе бригадира садоводческой бригады Ильи Васильевича Викторова. Удивительный человек Илья Васильевич. Вырастив свой сад на приусадебном участке, он не дал никому покоя в колхозе, пока не приступили к закладке и колхозного. Началась война. А во время войны гибнут не только люди, но и деревья. Израненный, вернулся он домой. Израненным нашел он и сад.

«Все придется начинать сначала»,— с горечью думал садовод, окидывая взглядом пустые бугры и заросшие бурьяном овраги. Шесть ран на теле, как шесть делений барометра, часто ныли перед переменой погоды.

— Прошу, товарищи, уважить мою просьбу,— сказал он колхозному собранию, когда его выдвинули на пост председателя колхоза,— и дать мне такую работу, которая ближе всего моему сердцу. Если вы не будете возражать, я еще раз попытаюсь взяться за колхозный сад...

Колхозники долго не соглашались, а потом пошли навстречу уважаемому человеку.

Через несколько лет десятки разных сортов яблонь, груш, ягод стали плодоносить. Был основан новый питомник. И колхозные доходы начали год от года заметно увеличиваться.

В начале ноября вся окрестность покрылась пушистым и толстым слоем снега. Снег шел часто, долго, пряча овраги и ложбины. Деревья стояли одетые в молочно-белые кафтаны.

На третьи сутки Илья Васильевич пришел в колхозный сад, оставляя за собой глубокие, кривые следы на пышном снегу. За ним, стараясь попадать в проложенные следы, шли Анна и подруги по бригаде. Все искрилось, блестело от нового снега. Тихие и ровные ряды покрытых инеем деревьев забылись в зимнем полусне.

— Начнем отсюда,— предложил Илья Васильевич, стоя на краю участка,—здесь и морозы бывают крепче, и зайцы появляются раньше.

И началась работа. Девчата с шутками, с песнями сгребали снег в валки, притаптывали ногами, обвязывали деревья соломой и еловыми ветками.

После работы Анна заглянула в сторожку к отцу. Около железной печки сидел отец с двумя маленькими детишками. А он, улыбаясь в бороду, рассказывал им что-то веселое.

— Что это за мелкий такой народ у тебя, папаша?— весело спросила Анна, подходя к ним.

— Ильи Васильевича крольчата. Посмотри, дочка, какие они симпатичные.

— А как они сюда попали?

— Илья Васильевич с собой привел. Не успел он сегодня печку истопить. Не мог же он их в холодной избе оставить. Так-то, дочка, нет матери, и приласкать их некому...

Анна года два тому назад слышала о случившемся несчастье в доме Ильи Васильевича. Жена его неожиданно заболела воспалением легких и скончалась. Анна как-то быстро забыла про чужое горе. И вот теперь... Все перевернулось у нее в душе.

В сторожку вошел Илья Васильевич и стал торопить детей домой, по-мужски неумело одевая их. Видя это, Анна помогла ему одеть детишек, и, взяв на руки меньшого, проводила до улицы.

...С тех пор прошло несколько месяцев. Позади остались и морозные метельные дни. Долины и бугры покрылись нежной ласковой зеленью. Яблони и ягодные кустарники распустили белые пушистые цветы. Несмолкаемо запели, заговорили на разные голоса прилетевшие с юга птицы. Щелкнул первый соловей.

Прибавилось работы в саду. Однажды в самый солнцепек сгустились тяжелые тучи, поднялся сильный порывистый ветер. Сверкнула холодным сиянием молния, грохнул гром, и по земле бешено заплясал град.

Девчата с криком вбежали в старый сарай, вытряхивая из распущенных волос белые градинки. Вбежал и Илья Васильевич со своими детишками. Но в сарае он задержался ненадолго, а снова бросился в сад накрыть рамой молодые подопытные саженцы в питомнике.

Анна, усадив детишек к себе на колени, стала причесывать их головки, напевать что-то веселое.

А буря, неожиданно налетев, также неожиданно быстро улетела. Сильный ветер погнал ее в сторону Волги. Засияло солнце, согревая своим теплом насквозь промокший и продрогший сад.

Вся бригада немедленно принялась расправлять помятые градом ягодные кусты.

Анна выпрямилась, тыльной стороной руки откинула выбившуюся из-под косынки прядь волос.

— Кируш,— вскрикнула она, увидев на тропинке щегольски одетого парня,— когда это ты успел приехать?

— Соскучился по тебе...

Парня окружили девчата, расспрашивая о работе, о Белоруссии. Кируш весело отвечал на вопросы, на задиристые шутки девчат. Выбрав удобный момент, он попросил Анну выйти с ним из сада. Случайно глянув на Илью Васильевича, она заметила в его глазах скрытую щемящую печаль.

С Кирушем она гуляла недолго.

— Неудобно перед девчатами,— ласково сказала ему Анна.— Они работают, а я, получается, отвиливаю от работы.

Кируш вернулся навсегда. Он не обиделся на краткость встречи. Куда спешить? Времени много. Он часто писал из Белоруссии тоскливые и дерзкие письма, в них он не скупился на поцелуи, чувства. Но на второй год Кируш сообщил ей, что ему понравилась работа, тем более, что очень выгодно быть заведующим складом огромного строительства. И желает еще годик остаться там. И вот вернулся. Неожиданно и совсем. Анна ни о чем не расспрашивала и лишь через некоторое время узнала о его жизни вдали от родного края.

Кируш торопил со свадьбой. Анна не была против. К тому ж и отец не возражал против брака.

...Ровно через месяц состоялась пышная свадьба.

Иная жизнь началась у Анны. Хотя и чужая деревня и чужой дом, но любовь быстро сдружила ее со всеми новыми людьми.

И снова работа. И снова поле. Но Кируш не торопился с оформлением на работу.

— Человек я не безграмотный. Не зря ж я окончил восьмилетку. Да и на стройке был не рядовым. Считаю,

что я вполне заслужил более ответственный пост,— заявил он председателю колхоза и, закурив папиросу, принялся подсчитывать кружочки дыма, выпускаемые изо рта.

— Что ж, можно и подождать. Осенью наш колхозный счетовод уедет учиться на бухгалтерские курсы. Все равно вместо него нужно будет подыскивать человека,— согласился председатель.

И Кируш ждал...

Однажды Анна разбудила его раньше обычного:

— Сегодня идем сено скирдовать. Приходи нам помогать. Мужчин-то маловато,— попросила она его.

Кируш, недовольно покряхтывая, повернулся на другой бок.

— Чего будишь-то его? Не видишь разве, как хорошо он спит. Подумать только, не могут без него какое-то сено заскирдовать,— зло проворчала свекровь.

— Мы Кирушу всегда давали поспать вволю. А сейчас, после тяжелой работы на стройке, ему нужно отдыхать. Сама бы больше работала,— процедила сквозь зубы незамужняя, уже старая сестра Кируша.

Анна промолчала. Да и что она могла ответить, если с ее мнением ни свекровь, ни золовка абсолютно не считаются. Какой же он оказался лодырь. Почти с ненавистью она смотрит как он, встав с кровати, как ленивый кот, потягивается, потом по полчаса моется, лениво перебирает одежду, долго ее чистит, и, стоя у зеркала, так расчесывает волосы, словно собирается на собственную свадьбу. С матерью и старой сестрой он обращается грубо и безобразно. И неожиданно для самой себя она часто сравнивала его с Ильей Васильевичем. Почему-то его задумчивый грустный взгляд в последние дни часто останавливался на ней.

«Что ж, люди одинаковыми не бывают. Со временем, быть может, и Кируш изменится»,— успокаивала себя Анна.

— Ты ничего не замечаешь, молодуха?— спросила как-то Анну соседка.— Следи-ка получше за мужем. А то он слишком зачастил к Варваре... А Варвара-то у нас женщина известная...

— Да не мели ты пустое,— сказала ей в ответ

Анна. Сказать-то сказала, но в то же время почувствовала в сердце острую, щемящую боль.

...И вот насквозь промокшая под дождем Анна вечером пришла в отцовский дом. Сняла с себя мокрую одежду. Легла в кровать, с головой укрывшись теплым одеялом. Долго лежала с открытыми глазами. Сердце так сильно билось, что в голове путались все мысли. Горячие, горькие слезы смочили всю наволочку.

Анна плакала молча.

Пришел отец. После переезда Анны в дом мужа ему не хотелось оставаться одному в избе. Поэтому он в последнее время почти постоянно жил в сторожке. О возвращении дочки он сразу же узнал, войдя во двор. Только она одна могла найти ключ от избы. Старик, вернувшийся в хорошем настроении, сразу нахмурился, почувствовав что-то неладное.

— Что случилось, дочка?

А случилось вот что...

В этот день солнце так и не выглянуло из-под тяжелых, низко бегущих сырых осенних облаков. Анна вместе с сестрой Кируша на колхозной лошади поехала на станцию. В последнее время сестра стала часто жаловаться на головные боли. И она решила поехать в Чебоксары. Анна провожала ее. Купив билет, она посадила больную в поезд и подошла к привязанной у забора лошади.

— Гражданка,— окликнула ее какая-то незнакомая женщина, одетая по-дорожному. На ней был прорезиненный плащ. Из-под голубой шляпы выбились светлорусые волосы. Она смотрела на Анну усталыми голубыми глазами.

— Вы, случайно, не в Кетмельский сельсовет едете?

— Да, туда,— ответила Анна.

— Не сможете ли вы меня взять с собой?

— Пожалуйста.

— Только я не одна. У меня с собой маленький сынишка. Я сейчас вернусь, сбегаю только за ним в комнату матери и ребенка. Подождите меня!

— Раз договорились, обязательно подожду,— улыбаясь, ответила Анна. Ей чем-то понравилась эта красивая женщина.

Незнакомая попутчица не заставила себя долго ждать. За ней вышел носильщик с большим чемоданом и кульками.

«В деревне поговаривают, что должна приехать новая учительница. Наверное, она и есть»,— тронув коня, подумала про себя Анна.

— Вы издалека будете?

— Да, из Белоруссии,— ответила женщина, оглядываясь по сторонам.— Красивые места у вас. Леса. Река. И села, словно в лесу. Кругом деревья.

Слово за словом, и незнакомка рассказала подробно о своей родине. Анна — о чувашском крае. За разговором дорога стрелой летит. И не заметила Анна, как вдали показалась деревня.

— Вот и подъезжаем. Вам куда? К школе?

— А зачем мне в школу? Я никакого отношения к ней не имею.

— Разве вы не учительницей к нам?

— Нет. Я еду к мужу. Вы, наверное, знаете его. Макаров фамилия у него...

— Макаров? Какой это Макаров?— каким-то испуганным, не своим голосом переспросила Анна.

— Кирилл Макарович. Что вы так странно смотрите на меня? Уж не случилось ли что с ним?— быстро заморгала незнакомая женщина.

— Нет... Ничего пока не случилось. И на здоровье не жалуется,— вполголоса сказала Анна. Громче у нее уже не хватило сил. Она стегнула лошадь. Отвернулась.

— Скажите, как он теперь живет? В последнее время он почти перестал писать.

— Кажется, неплохо,— с трудом ответила Анна.

Она почти задыхалась. Как онемела. Ничего не слышала, и страшно, всей душой возненавидела эту чужую, незнакомую женщину из Белоруссии.

«Надо ж было ей наткнуться на меня. Подумать только, и сама же везу ее к своему же мужу...»

Неожиданно, закашлявшись, закричал ребенок. Женщина стала утешать его ласковыми словами.

«А ребенка действительно жалко. Ничего не знает и не понимает. Безгрешный. Да и... эта женщина тоже, быть может, не виновата. Во всем виноват он, Кируш! Что же делать мне? У них уже ребенок есть. А я кто? За что же он так нагло обманул меня? Два года они

переписывались. Я верила ему, а он...» — У Анны одна за другой потекли слезы. Она ни разу не оборачивалась в сторону женщины, чтоб та не заметила ее состояния. Лошадь бежала крупной рысью.

«Я ни в чем не виновата. Я не виню и эту женщину. Значит, две жены у него. О, может быть, и третья есть? Не напрасно соседка намекала на Варвару. Пусть радуется, поганая душа, вот заявимся сейчас к нему вдвоем...»

— Приехали! Можете слезать,— Анна спрыгнула с тарантаса и помогла отнести вещи ее к воротам.

— Боюсь я почему-то,— сказала женщина.

— Не бойся. Заходи и все! Ты ведь не к кому-нибудь, а к отцу ребенка приехала,— и хлестнув кнутом лошадь, погнала ее галопом в сторону колхозной конюшни.

— Что случилось с тобой, дочка?— переспросил отец. Анна только плакала от страшной обиды, вздрагивая всем телом.

— Боже мой! Да что с тобой? Прогнали что ли?

— Нет, я сама ушла.

— Почему же? Я ведь ничего толком не знаю. Может, сама виновата?

Анна немного успокоилась. И подробно рассказала о случившемся.

— Да, плохой человек,— тяжело вздохнул старик.— Брось, дочка, и переживать не стоит. Плюнь на него, и вся недолга. Ничего. Не пропадешь.

В это время кто-то тихими шагами прошел мимо окон.

— Добрый вечер,— поздоровался, входя, Кируш.

Не получив ответа на приветствие, шагнул от порога к кровати Анны.

— Анна... Что ж ты молчишь? Зачем ты привезла ее? Я тут же прогнал ее из дому. Я ведь с ней не расписан. Только ты моя законная жена!

— А незаконных сколько?— зло бросила Анна.

— Зачем же так говорить? Я ж тебя ничем не обидел и не обижу,— каким-то не своим голосом произнес Кируш.— Брось обижаться на ерунду. Я же сказал тебе, что прогнал ее.— Кируш попытался взять Анну за руку.

— Отстань от меня, перевертень! Уходи отсюда!— сбросив с себя одеяло, Анна вскочила на ноги.

— Папаня, да уйми ты ее, пусть не сходит с ума,— растерянно произнес Кируш.

Отец, обескураженный случившимся, встал с лавки и сделал несколько шагов в его сторону:

— Ты сам образумься, сволочь! Здесь нет сумасшедших! Вон отсюда! Чтоб духу твоего не было здесь!

Кируш, озираясь, попятился к двери...

Анна всю ночь не сомкнула глаз. В голове все путалось, наплывали разные мысли. И лишь к рассвету забылась тяжелым беспокойным сном. Проснувшись, ахнула. Восемь часов! Никогда так поздно она не вставала. Анна быстро умылась, привела в порядок волосы. Отец, видимо, ушел в сад, оставив прикрытый полотенцем завтрак на столе.

Немного успокоенная, Анна сразу же вспомнила о белорусской женщине. «Я ее прогнал»— мелькнули в голове слова Кируша.

«Куда ж она пошла, да еще с ребенком на руках? Она мне ничего дурного не сделала. Мы обе жертвы обмана. А ей ведь еще тяжелее».

Анна оделась, заперла дверь на замок.

«Наверно, она там, в деревне. Не могла же она уехать ночью».

И, действительно, Анна разыскала ее в хате, где жили одиноко старик со старухой, на краю села. Женщина, прижимая к груди ребенка, глядела в окно. Глаза опухли, сильно покраснели.

— Слушай, милая. Я нисколько не виновата перед тобой,— громко, чтоб все слышали в доме, начала Анна,— у нас у обеих одно горе.

— Знаю. И я не виновата. Если б не было вот этого...— кивком головы показала женщина на ребенка,— сейчас бы уехала.

Она, не договорив, только всхлипнула.

— Он пришел сегодня ко мне, я его выгнала к черту,— сказала она, успокоившись.

— Правильно сделала! И я вчера прогнала его.

— Мне ничего не жаль, жалко, что ребенок заболел...

— Тебя-то как звать?

— Вера.

— А меня Анной. Вера, может быть, лучше пойдем к нам. Отсюда до отцовского дома километров восемь будет. Мы вдвоем с отцом. Но он дома редко бывает, все в колхозной сторожке копается. И тебе, и ребенку удобнее будет, и медпункт там рядом.

Вера согласилась.

У Анны она жила около месяца. За это время они ближе узнали друг друга, подружились. Отец Веры во время войны был расстрелян фашистами за связь с партизанами. Мать все время болела. И вся домашняя работа и заботы легли на плечи девочки. В последние два года работала в магазине. С Кирушем она познакомилась в новогоднюю ночь на вечере строителей. Подружились. Через два месяца он перешел жить к ней (Как раз тогда он и написал Анне, что останется на строительстве еще на год!..). У Веры родился ребенок. И Кируш начал собираться на родину, обещая осенью вернуться за ней и ребенком. Сначала он писал письма, потом замолчал. Близилась зима. И Вера решила поехать к Кирушу.

За месяц, проведенный у Анны, Вера подружилась почти со всеми деревенскими девчатами.

И провожали ее, как давнишнюю подругу.

Лето... Дни стоят погожие, жаркие. В саду вызревают ягоды, наливаются яблоки.

Девушки с задорными песнями собирают ягоды, нагружая машины, отправляют новый богатый урожай на рынки.

Анна шла по тропинке. Остановилась, увидев сидящего на корточках около низенькой яблоньки Илью Васильевича.

— А-а, Анна пришла,— обрадовался Илья Васильевич,— какими судьбами к нам? Давно, давно не видел тебя. Будь доброй, подержи минутку веточку,— попросил он ее, слегка согнув вершину.— Не беспокоил бы тебя, да трудновато одному...

— Не говори так, Илья Васильевич, ты все успеваешь делать за десять рук.

— Вот этого уже нельзя сказать. Ничего не успеваю сделать. Просто не жизнь, а карусель какая-то. К тому же и детей нужно растить...

— А почему ж вы не женитесь?— неожиданно для самой себя перейдя на «вы» и покраснев, спросила Анна.

— Об этом и говорить нечего. Ведь мне не только жена, но и мать детям нужна...

Илье Васильевичу хотелось продолжить этот разговор, но, увидев замешательство Анны, оборвал начатую фразу.

Анна молчала. Ей очень хотелось подойти к нему, сказать что-нибудь ласковое этому большому хорошему человеку, чистому, как сад, который он вырастил. Но вместо этого она посмотрела на него как-то странно, робко и застенчиво и поспешила к подругам.

Илья Васильевич остался один.

В этот день девушки ушли из сада, когда последняя машина была отправлена с ягодами. Солнце медленно катилось к закату, останавливаясь в небе, как бы раздумывая: уйти с небосвода или остаться на ночь?

— Анна, я жду тебя,— неожиданно отделившись от ее дома, сказал Кируш.

У ворот она увидела запряженную в легкую бричку лошадь.

— За тобой приехал,— продолжал Кируш, играя плетью,— хватит людей смешить и меня. Нынче мой день рождения. Нас ждут гости. Я все говорил, что ты ушла помогать отцу. На днях меня назначат председателем сельпо. Хочется выглядеть перед районным начальством порядочным человеком. Да и ты будешь не женой рядового колхозника, а вон кем — председательшей! Айда! Поехали! Как ураган, с грохотом и звоном повезу тебя домой!

От него несло водкой, луком. Анна попятилась назад.

«Неужели я любила этого человека?» — брезгливо подумала она.

— Я ж не шутковать приехал сюда,— продолжал Кируш, приближаясь к ней.— Перед тобой нет у меня большого греха. Что было, то былью поросло. Исправился я.

Он попытался обнять Анну. Но она, глубоко вздохнув, тихо и твердо процедила сквозь зубы:

— Хватит. Убирайся, исправленный.

— Аннушка, но у меня день рождения...

— Я ненавижу и день твоего рождения, не только тебя. Лучше б помнил о дне рождения своего сына,— и, круто повернувшись, быстро побежала вниз по улице.

Кируш машинально сделал несколько шагов вслед за ней, остановился и прохрипел:

— Не кичись ты, красотка! У меня таких, как ты, хоть пруд пруди!

Анна бежала, не останавливаясь, до самого колхозного сада. Здесь она перевела дыхание, поправила сбившуюся от быстрого бега косынку и тихо пошла дальше.

Илья Васильевич еще не ушел домой. Увидев его, Анна остановилась.

Илья Васильевич, подняв голову, удивился:

— Анна!.. Что с тобой? У тебя ни кровинки на лице...

— Илья Васильевич...— сказала тихо Анна, не смея поднять на него глаз,— я... хочу быть матерью твоих детей...

Илья Васильевич от неожиданности вздрогнул.

Лучи заходящего солнца упали на них сквозь зелень ветвей молодых и уже набравших силу яблонь и с легким шорохом улеглись у ног Ильи Васильевича и Анны.

●

СТАРЫЙ ДУБ

Летний день, медленно догорая, уступал свое место теплому вечеру. Село, как утомленный труженик, лежит тихое, словно отдыхает. Ни скрипа, ни шума. Тишина. Нигде — ни души.

Но вот вдали показались трое, громко разговаривая, жестикулируя, они вошли в Юманкасы, расположенное на возвышенности. С низовьев потянулись к селу прохладные, заметные на ощупь потоки воздуха.

Трое — два парня и девушка — направились по узкой улице к большому старому дубу, издали похожему на громадный стог сена.

Не переставая спорить, остановились у дуба. Спор затянулся. Каждый пытался убедить другого. Никому не хотелось уступать. Три человека — три мнения о только что просмотренном в Чебоксарах новом спектакле.

Лет пять назад они вместе получили аттестат об окончании десятилетки. За эти годы немало утекло воды. Но эта троица по-прежнему держалась вместе. Мстислав Кукаров (по уличному Ислав) окончил курсы бухгалтеров и работает в Заволжском леспромхозе. Аверий Иванов служит во флоте, а сейчас догуливает

очередной отпуск. Таис — миловидная, кареглазая девушка работает в колхозе и заочно учится в сельскохозяйственном институте.

Старый дуб... Не первый раз молчаливо слушает он споры. И сейчас, медленно перебирая тяжелые литые листья, словно из-под седых бровей, добродушно глядит и слушает спорящих. Могучий, ветвистый, он широко раскинул свою крону, одиноко стоит у истока малюсенькой речки и кажется, что он не одинок, что здесь целая дубрава, берущая начало от одного корня.

Дуб как бы раздваивает село и вместе с тем он придает неповторимую красоту всем улицам.

Возможно, дуб и дал название селу — Юманкасы, что в переводе означает — Дубовка.

Словно в добрых заботливых ладонях держит он целую стаю птиц, которые снуют меж ветвей, наполняя все вокруг свистом, пением, криком. А под его кроной с утра играют малыши, уступая лишь вечером свое излюбленное место парням и девушкам, гармошке, песням и танцам.

Дуб помогал даже обнаруживать пожары. Однажды мальчишки, шмыгавшие меж огромных сучьев, заметили пожар в соседней деревне, расположенной в шести километрах от Юманкасы. Как ветром согнало их с дуба. Зазвонили в пожарный колокол. Подняли людей. И пожар вовремя был ликвидирован.

А несколько лет назад вспыхнул пожар и в Юманкасах. Дул сильный ветер. И огнем, как языком, слизнуло одну из улиц. Огонь угрожал и другой. Но перекинуться огню не удалось. Помешали могучие густые ветви дуба. Люди и по сей день добрым словом вспоминают старого великана.

И стоит он весь в шрамах и ожогах.

Площадка у дуба служила не одному поколению сельчан своеобразным летним театром. Проходя мимо него, старики вспоминают свое детство, молодость, вспоминают свой первый поцелуй, первое свидание, первую пляску, первый хоровод. Он, как старейшина, сохраняет старинные обычаи. Весенними и летними вечерами не замолкают звонкие голоса, гармонь, веселые песни. К полночи село засыпает, а у дуба всегда встретишь влюбленную парочку...

И в тот день там были влюбленные, но трое. Оба

парня любили Таис. Давно погасло солнце, над селом медленно поднималась луна. А трое все стояли у дуба. Молодые так громко говорили, что можно было подумать — ругаются. И действительно, в тоне парней чувствовалась какая-то нервозность, скрытая неприязнь друг к другу, ожидание, что вот кто-то махнет рукой и уйдет, оставив с Таис самого терпеливого и настойчивого. Что и говорить — третий всегда был лишним.

— По-вашему, сколько лет дубу? А я знаю, его посадил мой предок,— заявил Ислав, окинув взглядом великана.— К слову сказать, я теперь являюсь хозяином этого дуба.

— А я слышала другое. Давным-давно на этом месте был дремучий лес. Люди вырубили его. Но этот дуб каким-то чудом уцелел.

— Брехня это,— взмутился Ислав,— моя бабушка мне сказала. А я верю старой. Не могла ж она выдумать. А вы знаете, что бабушка моя ни разу не соврала за всю свою долгую жизнь?

— К чему весь этот сыр-бор разгорелся? Нашли о чем спорить,— вмешался Аверий.

— Пора по домам,— заявила Таис.

— Айда! Я провожу тебя,— вызвался Ислав.

— Пошли, пошли вместе,— сказал Аверий, тихонько насвистывая.

— Аверий, ты бескультурный, так отстал от жизни, ой-ё-ёй,— неожиданно выпалил Ислав. И сам удивился сказанному. Совсем-совсем не то хотел он сказать. Попытался загладить, обратить все в шутку. Но ничего не получилось. И Таис растерянно промолчала. Не хотелось ей обижать никого из них.

— Не нужно меня провожать. Я одна дойду.

И быстро зашагала к дому.

Парни остались у дуба. Ни один не решался заговорить. Постояли-постояли и, не попрощавшись, разошлись.

Таис шла медленно. Какой-то неприятный осадок остался у нее от выпада Ислава. Вдруг она услышала быстрые шаги. Знакомый голос окликнул ее, она отпрянула в сторону, испуганно обернулась.

— Таис, не бойся. Это я.

И Ислав пошел рядом с нею.

— Ой, и напугал же ты меня!

— Таис! Почему ты избегаешь меня? Не поступай так! Можешь остаться ни с чем!

Парень бесцеремонно взял ее под руку.

— Ислав, ты что-то больно уж смелым стал.

— А быть жалким, по-твоему, лучше?

— Ты не так меня понял. Я говорю, что скромность ты где-то растерял.

— Скромность?

— Да, да. Скромность. Посмотри на Аверия — моряк, а какой скромный и культурный.

— Да что хорошего нашла ты в нем? Телок не облизанный, да и только.

— Почему ж он не облизанный да еще телок? Ты, Ислав, не прав. Он и среднюю школу закончил с медалью, и служит. А ты...

— Не умом, а зубрежкой заполучил он медалишку. А если откровенно, то у него знаний на семь копеек и тю-тю...

— Зачем, Ислав, наговариваешь на людей, да еще на своего товарища? Что ж ты ему это в глаза не посмел сказать? А сейчас...

— Я не хаю его, не хвастаюсь, но не желаю, чтоб меня сравнивали с этим морячком.

— Ты, Ислав, жалкий хвальбишка.

— Ты мне мораль читаешь, а сама же людей хаешь?..

— Добра тебе желаю, тебя остерегаю, чтоб лишнего не говорил, хвастал меньше.

— Нет, Таис. Ты со мной ни разу в открытую не поговорила, а я от чистого сердца.

— Я же тоже...— растерянно промолвила Таис, не ожидавшая такого поворота разговора.— Через пару дней еду в Чебоксары — на носу экзамены. А я думаю переходить на стационар. Видишь, тебе лишь говорю об этом.

— Спасибо за доверие. Я очень рад за тебя. Но опасаюсь, как бы там не забыла смелых парней своего села.

— Да как тебе не стыдно, Ислав. Да чтоб забыть своих сверстников, товарищей...

— Можно, тебя провожу?

— Как хочешь. Воля твоя.

Ислав подошел ближе и неожиданно обнял девушку. Таис, не успев отстраниться, почувствовала горячие губы на своем лице.

* * *

Таис сказала правду. Сдав экзамены, она осталась в Чебоксарах. Почти каждый день приходили письма от «смелого парня». От Аверия она не получала ни одного. По правде сказать, он и не знал о ее отъезде, потому, может быть, и не писал. Иногда Таис казалось, что он обиделся на нее. Таис частенько вспоминала его, ждала хоть весточку. Но так и не дождалась. А написать первой она не решалась, что-то сдерживало ее: то ли гордость, то ли робость.

Она почему-то всегда робела перед Аверием. Ислав — другое дело. Ей нравилось подтрунивать над Иславом. Тот, обижаясь, смешно пытался оправдаться, заслужить прощение. Небольшого роста, брюнет, он с детства был окружен заботами и нежностью. Три сестры никогда не обижали его, младшенького, лучшие куски, лучшая одежда, забота старших избаловали его. Хотя родители жили не в полном достатке, он никогда не знал об этом. Для него всего было вдоволь. Осенью, когда по нашему обычаю режут барана и всей семьей садятся за стол, перед ним, как и перед отцом, всегда лежали лучшие куски вкусно пахнущего мяса, половина головы, как мужчине. Поэтому Ислав рос гордым, зазнайкой. Товарищи по школе пытались перевоспитать неженку, но тщетно.

Аверий же — полная противоположность ему. Голубоглазый, русоволосый, стройный и высокий, со вдумчивым взглядом, он располагал сразу к себе окружающих. С детства пришлось ему многое пережить — и голод, и тяжелую не по возрасту работу. Отец погиб на фронте в день его рождения. А позже, когда мать вышла за другого замуж, стало больше и забот, и тревог — прибавилась семья. Аверий, как старший в доме, помогал матери по хозяйству. Способный, умный, заботливый, он и в школе, несмотря на работу по дому, был одним из первых.

«Смелый парень» писал почти каждый день, сообщая о всех новостях по работе, о знакомых. А раз человек пишет, то нужно и отвечать. Однажды Таис по-

бывала в родном селе. И написала Иславу, как в хороводе пела под старым исполином.

Ислав не замедлил прислать восторженное послание:

«Твое посещение родного села говорит о том, что ты не забываешь меня. Спасибо, Таис. Как только ты закончишь институт, я приеду за тобой. На катере по Волге поплывём. Я задумал отгрохать новый дом, не дом, а домище по-городскому, для тебя...»

«Раз для меня, то не спеши. Замуж я пока не собираюсь выходить»,— написала в ответ девушка.

* * *

Новая весна принесла новые радости. Вот и госэкзамены позади и диплом в кармане. И Таис приехала в родное село. По сей день не может нарадоваться старенькая мать — дочь ученая, с дипломом, а какая заботливая, ласковая, не забыла старушку.

И вот село. Возбужденная встречей с родными, после долгой разлуки, она выбежала на улицу. И первым долгом побежала навестить старого великана. Долго бежала она, торопливо здороваясь со встречными знакомыми. Подбежала. И остановилась. Где же дуб? Где свидетель первых детских игр, первых радостей? Неужели он засох? А может, молния ударила в него? Дуба нет. Лишь широкий комель, как низкий стол, стоял на месте великана. Что-то большое, великое ушло вместе с ним, оставив лишь воспоминания. Будто любимый, седобородый старейшина покинул людей. И не к кому пойти посоветоваться, поделиться радостью и горестью. Будто сиротами оставил людей.

«Не мог он так быстро в один год засохнуть. Нет, и молния не в силах сжечь его. Неужели колхозу понадобился? Неужели без него не смогли обойтись? Что сделали из него? Шкафы, столы? Паркет? Но нет! Пусть сделали из него самое доброе, все равно нет отправдания тому, кто отдал распоряжение срубить его»,— думала Таис, присев на огромный, узорчатый комель дуба, который сиротливо возвышался над прибитой, утоптанной не одним поколением сельчан площадкой.

«Где же были старики, когда срубили дуб? Неужели им не было жалко своего детства, своей радости, своей

юности? Где же были мои сверстники, повзрослевшие, закончившие школу, закончившие училища и институты? Неужели никто не вступился за радость села, за гордость села, за доброго старого исполина?

Две женщины подсели к Таис. Это были ее подруги Надюш и Верук.

— Э-э, Таис приехала! Салам городской майре!*— приветствовали они загрустившую девушку.

— Салам, милые! Салам нашим сельским майрам! Посидите со мной рядом. Место хорошее.

— Что хочешь ты этим сказать?

— Жалко батюшку дуба.

— Да, Ислав распорядился устроить на месте красавца сиденье поудобнее. Хорошо сиденьице, лучше не придумаешь,— вставила Надюш.

— Кто? Ислав?—переспросила Таис, чувствуя, как твердый комок горечи подкатился к горлу.

— Ислав сорви-голова! А кто же еще мог бы додуматься!— ответила Надюш словами, которыми в детстве обращались к Иславу.

— Как так?

— Разве такой жадюга станет спрашивать кого-нибудь? Пока люди работали в поле, он срубил и продал кому-то. «Это наше дерево, мой предок посадил его»,— заявил он на правлении колхоза. А сельчане говорят совершенно другое — ни его, ни кого другого, этот дуб здесь исстари, от леса древнего, дремучего остался.

— Да что там. Ислав — не человек. Он даже свою тетку Елен ограбил и улетел! После смерти отца с матерью продал дом до последнего колышка. А тетка теперь живет в бане,— пояснила Надюш.

— Куда смотрят люди?

— Попробуй его образумить! Маменькин сынок всегда таков. «Я наследник, все мое и никаких»,— передразнила его Надюш.

— Закона на него что ли нет?

— Да что ты, Таис, как маленькая рассуждаешь? Да такие, как он, лишь свои законы знают. Сестры его никогда не обижали и не захотели с ним судиться, дескать, не стали позорить родненького, дескать, дом строит и им будет, куда приезжать...

---

* Салам, майра (чув.) — привет, русская женщина.

— Да-а, вон он каков, Ислав Кукаров! Лишь внешне похож на человека. А нутро кулацкое, волчье! Мерзавец! С нами, в наше время вырос волк! Да чем же помешал ему красавец-дуб? Да такие, как Ислав...— Таис от ненависти не смогла слова вымолвить. Так и осталось это слово у нее в горле.

— Все люди до того возмущены, что никогда его в село не впустят. Пусть где угодно живет, только не в родном селе. Ребятишки его чуть камнями не забросали. Они принесли из леса саженцев и рассадили по всем улицам. Бегают каждое утро, поливают, подкармливают, холят молоденькие дубки. Если б ты слышала, как они щебечут: «Эти дубы будут не чьи-нибудь, а всех, всего села». «Ну и молодцы детишки!»— улыбнулась Верук.

Таис вернулась домой. Долго не находила себе места. Наконец, подошла к столу, взяла лист бумаги. Поздно ночью она поставила адрес: Аверию Иванову.

Потом встала, распахнула окно. И в комнату ворвался тонкий серебряный шелест листьев. Налетевший легкий ветерок качнул длинное стройное деревце, маленького родственника доброго старейшины.

БАБОЧКА

В районное отделение связи вошел человек. Постояв у двери, он направился к окошку, где обычно сидят телефонистки.

— Мне нужно переговорить с Чебоксарами.

— Номер телефона? — быстро взглянув на него, спросила Фая. Тот назвал номер. Фая записала на бумажке, попросила подождать. Мужчина отошел от окошка. Фая исподтишка разглядывала его. Он сразу произвел на нее впечатление. В сердце постучалась счастливая надежда. И чем больше она рассматривала этого незнакомого человека, тем больше он нравился ей. Его светлые волнистые волосы спадали на красивый лоб. Розовые щёки говорили о завидном здоровье.

Фая мгновенно подтянулась, достала малюсенькое зеркальце, привычным мгновенным движением руки подкрасила губки и, послюнявив пальчики, подправила брови.

— Вы издалека приехали? В командировку? — набравшись смелости, спросила она.

— Работать приехал. В здешней средней школе учителем буду.

— Вон что! Места здесь отличные. Притом и город близко,— выбрав самый приятный тембр голоса, похвалила она село.

— По мне везде хорошо, где есть работа. Как там Чебоксары?

— В это время трудновато соединить. Много заказчиков, линия перегружена.

— А в какое время лучше?

—. Приходите к концу рабочего дня.

Учитель повернулся спиной. Фая долгим взглядом проводила стройную фигуру молодого человека.

«Какой милый этот парень. Надо поторопиться, пока он не успел перезнакомиться с местными девчатами,— думала Фая, и взгляд ее затуманился.—С ним я утру кое-кому нос. До чего ж все парни и мужчины избаловались. Разборчивые какие пошли. Сперва все за мной бегают, дерутся, ссорятся друг с другом, а потом, как сговорившись, шарахаются, как от чумной. Ну, погодите. Я вам покажу. И Сережке покажу, и Сашке покажу, и Таньке с Зойкой нос утру. А ведь как и Сережка, и Сашка добивались меня! А теперь променяли на Таньку с Зойкой. Ну, ладно. Пусть их. Мне с ними нечего делать, неинтересные они. Да их и сравнить нельзя с учителем, и в подметки ему не годятся. Да и кто они? Подумаешь! Один счетовод, другой шофер. Вот если б удалось мне с учителем закрутить. Симпатичный, преподаватель! Это вам не шофер и даже не счетовод. А если он женится на мне? Для начала нужно покрутить ему мозги. А потом... Ух, ты — учительша! Все рты заткнут. А то видишь ли, бабочкой прозвали. С цветка на цветок, дескать, летаю. А что? У меня такой характер — переменчивый! И я все ищу, ищу своего единственного. А то «бабочка»,— передразнила она кого-то, состроив злую гримаску.— Ну и что, познакомлюсь, похожу с новым знакомым недельку-другую—и в сторону. У меня характер. Как этого люди не могут понять. Хар-а-к-т-е-ер! Влюбчивая я! И все! За это нельзя ругать! А меня даже порицать стали! Ну, погодите! Я вам покажу бабочку, попрыгунью. Вот сяду на один цветок и буду сидеть...»

Фая размечталась. Забыв про работу, телефоны, она повлажневшими глазами смотрела в окно. От раздумий ее оторвали набившиеся злые клиенты.

— Что, заснула?

— Гулять меньше надо!

— Спать ложиться вовремя!

Фая, не обращая внимания на раздраженных посетителей, с усердием работала. Но сегодня работа не клеилась. Ее ругали все. И те, кто звонили по телефону, и те, кто дожидался очереди.

— Ишь, попрыгунья!

— Спит на ходу!

— Работать не умеет, а то ж гуляет...

— Почта, почта! Спите что ли? Почему не отвечаете? Что случилось? Сколько раз повторять?

— Девушка, да куда ты пропала?

— Сколько раз повторять мне, не «Знамя», а «Звезда» нужна!

Фае с громадным трудом удалось наверстать упущенное. Раскраснелась от крика, ругани, от усердия.

Наконец, очередь рассосалась. Фая облегченно вздохнула. Снова вытащила зеркальце. И сосредоточенно стала изучать свое личико. Коротко подстриженные волосы — хорошо, по моде! Только нужно укладку сменить. Так. А если по-другому? Да, лучше получилось. Подкрасила припухшие губы. Разглядела ровные зубки. Кокетливо улыбнулась сама себе в зеркальце. Она долго готовила эту улыбку. Целыми часами репетировала, чтоб сразу понравиться красивому парню. Улыбка теперь появлялась безо всякого усилия со стороны хозяйки.

Опять зазвонил телефон, резко, раздраженно. Фая отбросила зеркальце:

— Что? Жалоба? Алло! Алло! Подумаешь, нервный какой! Да хоть в небесную канцелярию пиши. Жалуйся, сколько душе угодно,— отрезала она.

Фая часто вскидывала взгляд на часы. Ей казалось, что время застыло. Стрелки приросли к циферблату, не двигаются. Но вот, наконец, появилась сменщица Вера Ивановна.

— Верочка Ивановна, миленькая, смени меня скорей. Совсем измучилась. Не день, а сплошные неприятности. Все будто ошалели сегодня, кричат, ругают.

— Как это так? До нынешнего дня все люди были как люди.

— Не знаю, не понимаю. Ума не приложу. Может

быть, ты умеешь им нравиться, потому они и не кричат? Может, секрет какой имеешь?

— Конечно, имею. Никогда не нужно садиться на стул, утыканный гвоздями.

— Не смейся, Верочка Ивановна. Я так устала, так устала...

Но Фая не торопилась уходить. При каждом скрипе двери она нервно вздрагивала. Выглядывала в окно. Но учитель не появлялся. Фая совсем изнервничалась, ожидаючи. На ресницы уже несколько раз навернулись обидчивые слезы.

Наконец, показался он.

— Ой, пришли. А я подумала, что вы и дорогу к нам позабыли,— обрадовалась Фая.

— Я же должен переговорить...

— Вера, сейчас же соедини товарища с Чебоксарами. Да побыстрей, он торопится.

Вера Ивановна удивленно посмотрела на Фаю, улыбнулась.

«Бабочка опять новый цветок нашла»,— с грустью подумала она.

Фая терпеливо дожидалась учителя.

— Какова слышимость?— затараторила она.

— Отличная! Будто с вами разговаривал.

— Вот видите. У нас очень хорошая станция.

Разговаривая, они вышли на улицу.

Солнце медленно катилось к горизонту, задержалось за дальним лесом, и поэтому закат был похож на огромную красную паутину. Тени удлинились. Потянуло прохладой. Листья зазвенели ласково и тревожно.

На улице полно народу. Торопливо шагали с работы. Фая, гордо вскинув голову, не замечая никого, шла рядом с учителем. Оказалось, он поселился в той же стороне, где и Фая.

— Что ж это мы не догадались познакомиться? Столько идем рядом, а даже имени друг друга не знаем.

— Это вы не догадались,— кокетливо улыбнулась Фая.

— Виктор Егорович Викторов.

— Фая!

— А по отчеству?

— Федоровна,— задерживая свою руку в его руке представилась Фая.

— Вон какое красивое имя — Фаина Федоровна!

— Да, только имя красивое...,

— Не напрашивайтесь на комплимент, Фаина Федоровна! Такие, как вы, очень редко встречались мне.

— Не смейтесь, Виктор Егорович!

Они подошли к школе.

— Вам далеко еще, Фаина Федоровна?

— Вон в ту деревню. Примерно километра полтора, не больше. Там я квартирую. Если вы располагаете временем, может быть, проводите? Я вас познакомлю с красивыми местами.

— С удовольствием. Мне сегодня нечего делать.

Они вышли за околицу.

Очутившись в поле, они пошли медленней. Природа всегда поднимает настроение. Забываются мелкие обиды, а большие притупляются. Она зовет к себе, заставляя медленнее шагать, располагает к себе своей широтой и непередаваемой красотой.

Фая и Виктор Егорович, словно давнишние знакомые, разговорились. Перешли кукурузное поле.

— Вы не возражаете, если мы пойдем дальним путем?—кокетливо предложила Фая.

.— Конечно, нет! Я очень люблю шагать, ходить, смотреть по сторонам, любоваться закатом. Я же учитель биологии, только что закончил институт. А в институте редко приходилось любоваться рассветами и закатами. А вы очень красивая, Фаина Федоровна.

— Хватит вам шутить...— покраснела Фая.

— Я же серьезно говорю. Вы красивая, особенно здесь, в поле.

Фая покраснела еще сильней, сердце сладко заныло, забилось сильней. Ей очень нравилось слышать это, тем более от такого человека.

Они спустились в низину, густо поросшую лесом. Остановились.

— Этот лес мы называем ивняком. Я здесь часто грибы собираю. Хожу по орехи,— говорила Фая, вертя в руках только что сломленную веточку.

— Правда? Я тоже страстный грибник.

— Как хорошо! У нас совпадают интересы.

Фая взяла учителя под руку, ласково прислонилась к нему плечом.

Виктор Егорович растерялся. Потом ласково высвободил руку и отступил от удивленной Фаи.

— Простите, Фаина Федоровна. Это слишком. Такой красивый вечер. Хорошее настроение. Я вовсе пошел не для этого. У меня есть любимая девушка, я жду ее. Она скоро закончит институт. Я ее очень люблю. По телефону я с ней разговаривал. Да кроме того, я не из тех, кто присаживается на первый попавшийся цветок. Я же не бабочка.

Для Фаи последнее слово было как пощечина. Словно ушатом холодной воды неожиданно окатили ее. Она покраснела, отвернулась. Губы задрожали, ноздри расширились. Она всхлипнула, круто повернулась на каблучках и, не проронив ни слова, бросилась в лесную чащу.

Она бежала долго. Ей казалось, что ее догоняют. Вот сейчас она услышит жаркое прерывистое дыхание парня. Почувствует горячие, жадные руки. Она остановится, уткнется головой ему в грудь и...

Она не сомневалась, что учитель побежит за ней. Все бегали, догоняли, она намеренно убегала не быстро, Догнав, просили прощения, уговаривали...

Но учитель, не сказав ни слова, не окликнув ее, медленно и широко зашагал в другую сторону.

НЕВЕСТКА

Рядом с нами живет старушка. Живет одиноко. В позапрошлом году она схоронила мужа, деда Стяпана. Долго горевала. Но потом смирилась со своей участью. Правда, от горя почернела, стала немного сварливей. Но, несмотря на это, по-прежнему необыкновенно подвижна, любопытна, чиста и опрятна. Горе всегда выводит на люди. И соседка не сидит дома. Ходит на работу в колхоз, с какой-то жадностью набрасывается на любую работу, лишь бы не сидеть дома, лишь бы на людях подольше оставаться. Ни одного собрания не пропустит. Всегда попросит слова, всегда выступит да так, что даже председатель иной раз ахнет — до того зло и едко отчитывает она лодыря или, как их сейчас величают, тунеядца. В селе так и называют ее—проработчица.

Старший сын погиб на фронте. Обеих дочерей выдала замуж в соседние села. Младший сын недавно вернулся из армии, но долго не загостевался у хлебосольной матушки, а уехал на учебу в школу механизации.

Однажды весной пришла к нам соседушка. Долго рылась в карманах. Ахала, охала. И, наконец, вытащила из-за пазухи аккуратно завернутый в чистую тряпочку конверт.

— Вчера от Аркаши получила весточку. Прочтика, молодушка.

Я взяла светло-коричневый конверт. Вскрыла его.

«Из далекого города, мамань, тебе большой-большой привет! Как твое здоровье? Как живешь, мамань? Частенько думаю о тебе, о сельчанах. Хочется все знать, обо всех их делах. Мамань, я понимаю, что тебе одной не сладко. Но коли до сих пор жила, потерпи еще чуточку. Вот выучусь и сразу же вернусь домой. Но до этого я хочу посоветоваться с тобой, а верней—сообщить об очень важном, неожиданном...

Мамань! Не ругай меня, не сердись. Я полюбил одну девушку, и она меня. Девушка очень хорошая, душевная, красивая, по характеру покладистая, трудолюбивая, в работе и от тебя не отстанет. Встретишь ее и сама полюбишь. Зовут ее Машей, салам тебе от нее. С письмом я посылаю тебе и фото ее.

На этом кончаю письмо. Очень, очень жду ответа.

Твой сын *Аркаша.*»

Из конверта я вытащила фотографию, завернутую в тонкую белую бумагу.

— Нет! И в руки не возьму, и не взгляну даже,—запричитала старушка, опустив седую голову, как будто на нее неожиданно свалилось большое горе.—Вот тебе и сын! Ишь, что выкидывает непутевый! Я же просила написать еще осенью ему об этом. Старшая дочка Арзюка пришла прямо домой ко мне, написала от моего имени письмо. Я ж по душе нашла ему невесту. Эх, Аркаша. И не пожелал ни разу взглянуть на дочь Ехима по имени Зинка. Писала: светла лицом, пригожа, покладистая да еще на редкость трудолюбивая. Во всем селе такой шустрой не сыскать! При каждой встрече я рассказываю ей о нем. На удивление всему селу обещала свадьбу справить. Посмотри-ка на него, он даже не прислушался к моим советам! Эх, тора * знает нынешних детей. Ни у кого не спрашивая, никому не показывая, нате вам, нашел какую-то Машу! Да и имя-то вроде не имя, а кличка. Корову так впору назвать—Маша! А он женой хочет называть! Да к тому же—майра, по нашему и слова сказать не может. Как же я с ней жить стану под одной крышей? Нет, нет, вот те крест, я не впущу

* Тора (чув.) бог.

ее в дом!— Старуха так разгорячилась, что думала вслух, и от великой обиды на выбор сына и досады хлопала по коленке рукой.

— Соседушка, зря ты горячишься раньше времени. Глянь, девушка-то какая — глядеть не наглядеться...

И я поднесла фотокарточку незнакомой суженой сына прямо к носу разгневанной соседушке. Она не выдержала, скосила глаза, взглянула и сплюнула в сердцах:

— Нашла мне красавицу! С какой стороны хвалишь ты ее? Вон рот разинула, зубы наружу, хохочет. Как будто кто-то в бок ее щекочет. Терпеть не могу. Тьфу! Ни за какие деньги мне такой майры не нужно! Сказала тебе — домой не впущу! Пусть где угодно живут!

— Соседушка, зря так говоришь. Ведь им жить. А раз полюбили...

— Да за что же он обязан ее полюбить? За кудри что ли? Глянь, ползут они по лбу! Ну, и люби себе! Коль так считать, то и ягненка можно взять, ягненок, может, еще кудрявей! Да разве можно ее с Зинкой ехимовской сравнить? Ни за что! И близко не подходит эта майра!

— Человека никто не может неволить. Да и в чужую любовь не след вмешиваться,— попыталась я возразить.

— Еще что? Че-ло-век-а? Да это же мой ребенок! Он должен меня слушаться, и весь тебе сказ!

— Обожди, соседушка, не горячись!

— Ты меня не гаси!—прикрикнула она на меня.— Чем попусту время изводить на разговоры, пиши, что я тебе скажу. Ни одного слова не пропускай!

— Как хочешь, дело ваше, но такое злое письмо я не стану писать твоему Аркаше. Мы с ним вместе учились, вместе за одной партой не один год просидели. Так что сердись не сердись, а писать не буду.

— Раз не хочешь, не пиши. Ладно, обойдусь без тебя. Спасибо и на том, что прочитала. Мне дочь Арзюка Ульга еще лучше пропишет. И не хуже тебя писала она. Вот придет из школы... Пойду к ней.

После этого разговора соседка старалась не встречаться со мной. Но если это и случалось, то делала вид, что не замечает меня. Она ни разу не пришла

к нам ни с просьбой почитать письмо, ни продиктовать ответ. Поэтому я не знала, какие письма она получала от сына и как отвечала.

Настала весна. Земля зазеленела. И к моему удивлению, на такси прикатил Аркаша с невестой. Я собиралась пойти к реке. Но отложила. С Аркашей поздоровались за руку, а затем он познакомил меня с Машей.

Невеста и впрямь была хороша. Стройная, круглолицая брюнетка, у нас про таких говорят: «черная да опрятная». Она застенчиво улыбалась.

Я стала помогать переносить их вещи в избу. Говоря откровенно, мне очень хотелось собственными глазами видеть, как соседка встретит невесту. Вместе с тем я побаивалась, как бы в горячке соседка не обидела молодую. Мои опасения тут же подтвердились.

Молодожены очень любезно встретились с матерью. Разделись и стали расставлять привезенные вещи. В комнате стало тихо. Приближалась гроза. Соседушка поминутно косилась на свою сноху. Затем не громко, но резко заговорила:

— Спасибо, сынок, утешил на старости свою мать. Эту упавшую с цыганской телеги откуда ума-разума набрался, чтоб в дом ввести? Что ж это ты? Я же писала, что нашла тебе невесту. Да дочь Ехима по сравненью с этой — иволга! Эх, сынок, в воду кануло материнское слово! Да проживешь ли ты с ней? Прокормишь ли ее? Сядет на твою шею — не сбросишь! И ни туда, ни сюда не сможешь повернуться. Да галчата-цыганята пойдут! Эх, сынок...

— Мамань, поздно об этом говорить,— улыбнулся Аркаша.— Поживи чуточку, полюбишь, узнаешь ее поближе...

— О чем это вы говорите? Над чем смеетесь? Мне тоже вместе с вами хочется посмеяться,— спросила Маша.

— Мама тебя хвалит,— улыбнулся муж,— ты ей очень понравилась.

Жена весело рассмеялась. Да и отчего ей не смеяться? Любимый муж смеется, ей весело.

«Как хорошо,— думала я,— что она не понимает по-чувашски!»

Аркаша с женой взяли мыло, полотенце и выбежали во двор умываться. Я не вытерпела, заговорила:

— Соседушка, побойся бога. Они же любят друг друга. Тебе бы жить да радоваться, а ты дуешься.

— Ты меня не учи. Молода еще. А тоже — в учительши лезешь! Кто я, по-твоему, для него? Тетка чужая? Кому, как не матери, учить неразумных уму-разуму!

— Это верно. Ты — мать. Ты — старшая в доме. Но тебе как старшей и раньше нужно всё уразуметь. Сын-то сколько в доме не был. Издалека приехал. Они поженились. Радоваться нужно. Ведь их счастье—твое счастье.

— Ладно уж. Хватит. Вы только умницы, а матери — дуры. Пусть живут, как знают. Но мне не по душе сноха эта. И всё тут. Меня не спросили, моего слова не послушались.— Она торопливо поправила платок на голове и вышла из избы.

— Ты куда, мамань?— спросил Аркаша.

— В лавку пошла,— пробормотала она, даже не взглянув на молодых.

Мне понятно состояние Аркаши. Душа у него не на месте. Боится он, как бы жена не почувствовала накалившейся обстановки. Поэтому он старается держать себя в руках, шутит, смеется.

— Ты, Аркаша не расстраивайся. Мать у тебя добрая, отходчивая. Поворчит-поворчит и простит твой выбор,—пыталась успокоить я товарища детства. Мы разговорились. Говорили долго. Маша вошла в чулан переодеваться. Вышла в новом светлом костюме. На груди я заметила сверкнувшую Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. И от удивления еще раз поздравила ее с приездом.

В избу потянулись соседи, знакомые. Слух о приезде сына соседки быстро разнёсся по селу. А посмотреть на нового человека издревле сбегались все, побросав свои дела.

— Ну, и хват Аркаша, героиню засватал! С Золотой Звездой привёз,— перешептывались люди.

За окном промелькнул платок соседки. Как видно, она очень торопилась, платок съехал с головы, дышала она быстро, часто. Она сразу затащила сына в чулан. Оттуда доносился громкий шопот:

— Аркаша, это правда люди говорят? Все твою жену величают Героиней Труда. Правда это?

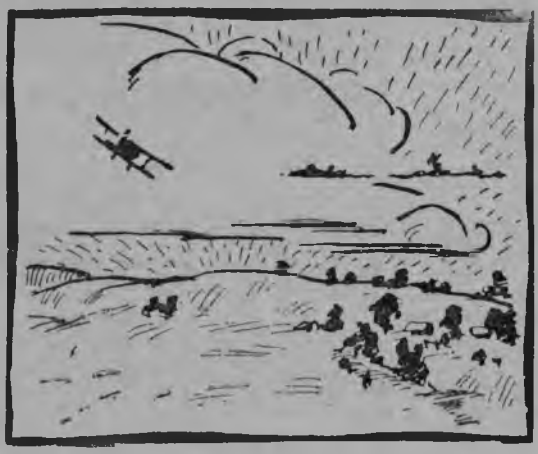
— Правда, правда, мамань. Такие звёзды кому попало не вручают. Ты же это не хуже меня знаешь. В ее области никто больше Маши молока не надаивал. Скоро она начнёт работать в своем, то-есть в нашем колхозе.

— Ах, растяпа ты. Зачем же скрывал от старой? Что же сразу не сказал? Я же стара стала. Глаз притупился. Сама не смогла заметить, что она такая ладная да добрая. Эх, ты...— осерчала старушка.

Свекровь вышла из чуланчика, важная, строгая, вся подобранная. Подошла к снохе и обняла:

— И-их, золотая моя, как же ты с моим сынком-то повстречалась? Ну, с приездом, сношенька... Свадьбу сыграем! Такую свадьбу, какой в округе еще не видывали,— смахивая кулачком радостные слёзы, растрогалась старушка.

Свадьба действительно была сыграна на славу...



СЧАСТЛИВАЯ ВСТРЕЧА

Весеннее солнце, шевеля длинными иглистыми лучами, все уверенней прорезывало холодные слои воздуха.

По утрам еще чувствовалось тяжелое дыхание отступавшей зимы, но уже со скрипом, шорохом и звоном пробирались потоки талой воды, ручьи прокладывали русла в потемневшем, колючем снегу. В полдень солнце неожиданно исчезало с горизонта, опускался туман, который съедал последние пласты снега, открывая мокрую, взъерошенную землю с прошлогодними желтыми кустиками трав, из под которых выглядывали ослепительно зеленые ростки.

И однажды в такой же прохладный полдень меня вызвал к себе командир авиаподразделения:

— Вот что, товарищ Савинова, вам придется слетать в колхоз «Звезда».

Он склонился над картой и пальцем указал на маленькую точку.

— Метеосводка не очень благоприятна, но пока погода неплохая, и вы успеете ею воспользоваться. Сейчас прибудет врач. Будьте готовы к вылету.

— Есть,— ответила я, не отрывая взгляда от карты.

Дело в том, что командир указал на мою родную деревню.

— Там, кажется, можно найти посадочную площадку. Попробуйте посадить самолет на лугу у речки.

— Да не только самолет, там целая эскадрилья может уместиться.

— Откуда вам известно?

— В этой деревне все детство мое прошло.

— Тем лучше, товарищ Савинова.

И хотя до родного селения я смогла бы долететь с закрытыми глазами, но все же достала из планшета карту и наметила маршрут: сначала по авиалинии Казань — Горький, потом возьму немного левее...

Выйдя на улицу, я взглянула на небо. С утра небо было ясным, солнечным, а сейчас тёмные облака со всех сторон окружали солнце. Еще несколько минут—и они закроют его; с северо-запада временами налетал резкий ветер. Но это не очень тревожило—приходилось летать в еще худших условиях.

— Не беспокойтесь, товарищ пилот! Самолёт в порядке,— доложил молоденький техник, лишь только я подошла к самолету.

В ту же минуту на поле аэродрома въехал жёлтый автомобильчик «скорой помощи». Не успел шофер заглушить мотор, как из кабины выпрыгнула женщина в коричневом пальто. Шофер подал ей небольшой чемоданчик. Женщина неуверенно двинулась вперед, глядя по сторонам. «...Ищет самолет»,— догадалась я, и, сделав несколько шагов от самолета, махнула ей рукой:

— Сюда-а!

Женщина заспешила ко мне. Она была стройна, на белом, тонком лице голубели большие глаза. На вид ей было лет тридцать пять, не больше, но красоты своей еще не утратила.

— Вы летите со мной?— удивленно спросила она.

— Да!

— В колхоз «Звезда»?

— Туда. Что там случилось?

— Председатель колхоза в тяжелом состоянии. Долго ли будем лететь?

— Около часа.

— Успеем?

— Не беспокойтесь.

Я помогла врачу сесть в кабину, потом села сама и через несколько минут мы поднялись в воздух.

Ветер крепчал. На высоте триста-четыреста метров самолет задрожал, как в лихорадке, начиналась болтанка.

Я взглянула в зеркало перед собой. Моя пассажирка сидела, втянув голову в плечи. Трудно было понять—то ли думает, то ли дремлет.

«Однако лицо мне знакомо. Где я видела ее? Или просто кажется?..»

Погода вконец испортилась. В сорока километрах от Чебоксар полил дождь. Тяжелые облака обложили весь горизонт. Я вела самолет почти бреющим полетом.

Временами окидывала взглядом пассажирку. Женщина сидела не шевелясь, о чем-то думала.

К счастью, дождь вскоре перестал. Горизонт очистился. Засияло солнце. Показались знакомые места. Вот сверкнула лента реки...

Сделав круг над родимой деревней, пошла на посадку. Приземлились на широком лугу у новой колхозной фермы. Вышла из кабины, помогла выйти пассажирке. Она заметно повеселела, глаза светились добрым лучистым светом.

— Мельничный луг,— прошептала она,— ничего не изменилось, только построек прибавилось...

— Вам знакомы здешние места?— удивленно спросила я ее.

— Еще бы. Здесь я выросла.

— Здесь? В этой деревне?

— Да.

— Простите, доктор, как ваша фамилия?

— Сареева. А что вы так смотрите?

— Так, просто...

На этом наш разговор оборвали набежавшие деревенские мальчишки. За ними торопились взрослые.

— Где живет ваш председатель?— спросила врач белоголовых ребятишек.

— Какой вам нужен — новый или старый?

— Который больной.

— Значит, новый,— солидно заключили они.

— Где он живет?

— А там, у дяди Анисима,— махнули они неопре-

деленно рукой, всецело поглощенные самолётом, ведь не часто в деревню прилетают самолёты.

— Проводите меня, ребята.

Дети переглянулись. Уж очень им не хотелось расставаться с самолётом и провожать эту женщину с чемоданчиком в руках.

— Благодарю вас, очень вовремя прилетели,—торопливо заговорила женщина, одетая по-русски, подходя к врачу.

Это была колхозная медсестра.

Пассажирка ушла с ней. Я осталась у самолета. Дети громко спорили, обсуждая возможности и недостатки моей машины. Взрослые напрасно пытались запретить дотрагиваться до нее:

— Берегитесь!

— Под винт не попадите!

— Вот обидится тётя-летчик и улетит.

— Не стоит их пугать. Они сами в будущем будут водить и не такие самолеты,— улыбнулась я, вглядываясь в лица взрослых, пытаясь найти знакомых. Но это было не так-то просто. Двадцать лет — сорок немалый. Девчонки давно стали взрослыми женщинами, а мальчишки — мужчинами. Родня моя разлетелась по свету — сёстры повыходили замуж в другие сёла, брат работает в далеком городе, отец с матерью померли. Да и мне не приходилось навещать свою деревню, то учеба в авиационной школе, то работа на авиационной линии в Восточной Сибири. И лишь недавно меня по настойчивой просьбе перевели в родной город.

Дети не отставали с расспросами:

— Тётя, а до Москвы самолет сможет долететь?

— Сможет.

— А до Ленинграда?

— Конечно.

— А до Северного полюса?

— До Северного полюса нет. Туда большие самолеты летают.

— Говорил я тебе,— толкнул один другого в бок,— видишь, мотор-то один.

Со стороны фермы подошли еще две женщины, одна молоденькая, с полным румяным лицом, другой на вид не больше сорока, лицо в мелких морщинах, улыбка открывала ряд золотых зубов. Молоденькая поздорова-

лась издали. А вторая, подойдя вплотную, подала руку.

— Здравствуй,— приветствовала я ее, пожимая жёсткую мозолистую ладонь.

— Здравствуй,— пристально вглядываясь в мое лицо, ответила она,— ты не Авук ли?

— Авук!

— Господи! Сколько лет прошло... Так, значит, летаешь? Слышала... Слышала, что летаешь, но не знала, где,— заговорила она, и повернувшись ко всем, громко, радостно объявила: — Да что ж вы, бабоньки! Аль не узнаете свою землячку? Это ж Авук, Савина дочь...

Все смотрели удивлённо, но не многие узнавали.

Пелагея была подругой моей старшей сестры. Ее-то нетрудно было узнать, да и навряд ли я забыла бы ее.

— Нет-нет, девонька! Ко мне! Ко мне! Яишенки с сыром попробуй. Такая встреча! Такая встреча! Да что ж ты стоишь? Али меня обидеть хочешь? И не вздумай отказываться. Закрывай свою машину — и ко мне,— тараторила она.

Мне ничего не оставалось, как подкатить самолет поближе к ферме и пойти с Пелагеей.

— Но для порядка надо повидаться с врачом. Нужно узнать, больного будет здесь оперировать или в Чебоксары повезем.

— Хорошо, хорошо! Делай, как знаешь,— согласилась Пелагея.

Мы подошли к дому Анисима. На крыльце встретила врач, видимо, увидела нас в окно.

— Как дела идут?

— Дела неважные,— бросила она,— готовимся оперировать.

— Что у него?

— Третий приступ аппендицита. Очень тяжело.

— Значит, обратно не скоро.

— Да я и сама хотела вас предупредить о задержке. Да и после операции нужен уход. Хотя медсестра и хорошая, но... Найдите квартиру и отдыхайте.

— Зачем ей искать квартиру? Я беру к себе. Она здесь свой человек.

До этого врач разговаривала только со мной, но

пристальней вглядевшись в лицо моей собеседницы, прошептала:

— Погоди-ка, ты... не Пелагея ли?

— Да... А вы откуда знаете меня?— подозрительно переспросила она.

— Палаша, да разве не узнаешь?

— Что-то не припомню.

— Хорошенько посмотри,— врач сошла с крыльца.

— Сан-юк!— ойкнула Пелагея.— Да правда ли это? Господи помилуй. Через столько лет!

Она смахнула слезинки рукавом. Расцеловались. Глядя на них, я не смогла скрыть внезапно охватившего меня волнения.

Врач, которую я привезла,— Санюк! Полчаса назад, когда разговаривала с ней на лугу,— не узнала. Но сейчас... Санюк! Ведь я с детства очень хорошо знала ее. Все ее нелегкое детство и девичество...

— Ну и день,— продолжала удивляться Пелагея, пытаясь скрыть волнение.— Только Авук узнала, а сейчас и ты, Санюк, объявилась...

— Что это еще за Авук?

— Вот она...— Пелагея кивнула в мою сторону.— И она из нашей деревни. Помнишь Лизавету? Это ее сестра.

— И правда. До чего удивительно. Как не помнить Лизу. И эту стрекозу. Однажды, когда отца с матерью не было дома, эта девчонка прыгнула с крыши и вывихнула ногу. Нам пришлось с Лизой нести на руках к жене костоправа Ягура...

— А сейчас с неба спрыгнет и ничего,— засмеялась Пелагея.

— Здорово! Прилететь вместе в родную деревню и не узнать друг друга.

Врач взглянула на часы:

— Друзья, пора расставаться. После поговорим. А меня ждет больной.

— Здесь не очень будет удобно вам оперировать.

— Ничего,— махнула рукой Санюк,— на фронте и такие условия считались бы за идеальные. Ну, пока.

Мы пошли к воротам:

— Санюк! А того человека-то узнала?

— Узнала,— тихо промолвила врач.

— А он?

— Видимо, нет...

Я поняла, что разговор идет о больном.

Мы вышли на улицу.

— Больной председатель? Он что, здешний?

— Да, здешний, но много лет не был в родной деревне, работал где-то на заводе. Два месяца как приехал. Теперь из городов многие приезжают в деревни. Вот и Пантелей Семенович приехал,—я заметила испытывающий взгляд Пелагеи.— Его ты должна помнить. Давно это было, под Новый год. Когда у вас баня сгорела..

...И я вспомнила.

Была я маленькой. Но как сейчас вижу — пушистыми хлопьями валит густой снег. Почти вся деревня высыпала в овраг. Смех, шутки. Куча мала. Стремительно одни за другими мчатся санки. Домой я вернулась в сумерках. Когда подошла к дому, вижу: старшая сестра кусочком мела рисует кресты на дверях нашего дома, на окнах.

— Зачем ты рисуешь палочки?— спросила я, остановившись у ворот.

— Чтоб нечистая сила не проникла в дом.

Под новый год отец и мать собрались в гости. Старший брат запряг гнедуху в розвальни. И родители, надев тулупы, уселись в сани. Гнедуха с места рванула, и сани исчезли за углом дома.

В комнате стояла тишина. Но вот одна за другой потянулись девушки — подружки сестры, раскрасневшиеся с мороза, веселые, шумные. Недолго они пряли пряжу:

— Девушки, хватит работать!

И, быстро разыскав большую сковороду, поставили ее на пол, наполнили водой, а вокруг разложили кусочки хлеба, угля, мелкие монеты, ножницы, щетину, бумагу, поставили зеркало, солонку с солью...

Немного поспорив, они гурьбой выбежали во двор. Спустя несколько минут вернулись, неся в руках по курице, снятых с насеста. Куриц выпустили.

— Ну, пропала ты, Шураппа,— посочувствовали девушки, когда увидели, что ее курица подошла к блюд-

цу с водой и клюнула воду,—пьяницей будет твой муж. Бедняжка ты.

Шураппа побледнела.

Курица Серуш клюнула хлеб. И Серуш пустилась в пляс. Еще бы не плясать—муж будет богатым.

Курица Аксиньи клюнула денежку, Татьянина — соль. Следовательно и мужья их будут торговцами — денежными людьми.

— О чем горевать? Проживем неплохо!

Курица Катерне клюнула уголек. Катерне сразу опечалилась — неужели будет пожар?

А Спани приятно, сама красива, муж будет красив — ее курица клюнула зеркало.

Курица Шажук клюнула щетину. Девушка загрустила — м к будет с характером, может быть даже злым.

Хветле и Хатшара от радости разрумянились—ведь ножницы и бумага означали портняжничество и большого ученого.

Лишь Пелагея не радовалась. Сидела, мрачно забившись в угол. В спешке в темноте вместо курицы она схватила петуха.

— Что ж особенного,—успокаивала себя Пелагея.— Знать на роду мне написано быть женой солдата.

Гаданье кончилось, о отнесли обратно.

Да и парни начали собираться.

Были здесь знакомые и незнакомые из соседних деревень. В маленькой комнате сразу стало жарко. Дым пополз по потолку. Сначала сидели тихо, спокойно. Но вот кто-то задул лампу.

— Эгей, темный улах!—крикнул кто-то.

Начался шум, поднялся крик, смех.

Я сидела тихо на печке.

Зажгли свет.

Все вышли во двор. Ухвине сбросила лапти прямо на снегу, и, закинув через плетень, вернулась в одних шерстяных чулках. Парни принялись подсчитывать количество жердей в загородке, девушки — просеивать снег.

Какая ночь была интересная, весёлая, сколько игр было переиграно, каких только фокусов не было показано!

Лишь Санюк оставалась безучастной ко всему.

Сидела в стороне, старательно вязала чулки из черной шерсти деревенским богачам. Она и за курицей не ходила, и снег не просеивала. Да и что ей, сироте, жившей у дальней родственницы, было делать?

Сидела мастерица на все руки, трудилась. Но как бы много она ни работала, тётке было все мало. Каждым куском хлеба попрекала ее:

— Ишь, нахлебница! Сколько будешь мой хлеб есть? Пора и честь знать! Девка ты гладкая, красивая, вон и женихи есть. Пора замуж тебе...

Но Санюк не хотела выходить замуж ни за одного местного богатея. Знала она, что и там житья ей не будет.

Нравилась Санюк парням. Даже из соседних деревень заявлялись сваты, а в своей от них отбою не было.

Во всей округе не было равной Санюк по красоте и мастерицы ткать, вязать...

Русые волосы, похожие на нежный степной ковыль, всегда были заплетены в толстую аккуратную косу, перехваченную жёлтой лентой. Высокая, стройная, с нежными голубыми глазами, она и впрямь была красива. Улыбнётся — появятся ямочки на щеках, навряд ли найдётся парень, да и пожилой мужчина, который втайне не вздохнет о ней.

А запоёт — слушаешь не наслушаешься. Но Санюк на людях почти не пела. Старалась держаться незаметно. Но и это не спасало от поклонников.

И в тот вечер она скромно сидела в уголке, не замечая восхищённых взглядов парней, не принимая участия в играх.

Среди парней был и Пантелей. Сын бедных родителей, он не мог даже и думать о такой красавице. Всю молодость провел в пастухах, но никогда ни перед кем из богачей не гнул спины, не склонял гордой головы, может быть, еще и потому, что не только внешне он выделялся из общей массы парней, но и умом.

Высокий, здоровый, сильный, он страстно любил Санюк. Однажды он завёл с нею разговор о сватовстве. Но Санюк, как будто не поняв его, ничего не сказала. С тех пор Пантелей замкнулся и лишь издали бросал на неё полные любви взгляды. Тяжело переживал он ухаживания парней.

Сестра моя дружила с Санюк.

— Санюк, что ж ты сидишь, как в рот воды набравши! — подошла к ней Лиза. — Нехорошо получается. Все девчата веселятся, встречая Новый год, а тебе как будто и дела нет до всех. Да и люди нехорошо могут подумать. А ну оставь работу, да к нам в компанию.

— Что ж мне прикажешь делать, Лизи? — ласково улыбнулась подруга, отложив в сторону незаконченный чулок.

— Споём! Девушки, споём?

— Песню! Песню!

И странное дело, Санюк будто подменили. Вскинув голову, вся заискрившись, раскрасневшись, она, чуть помедлив, запела:

В воскресенье я родилась,
Нарекли во вторник Лизой
С горькой долей подружилась
И на свете стала лишней.

Песню подхватила Лиза, а за ней — девушки. Парни примолкли. А песня неслась, грустная, берущая за сердце.

Ой вы, реки, ой вы, горы! —
Я росла и развивалась —
Только матушке на горе,
Только матушке не в радость...

Песня, дрожа, замирала, вызывая на глазах слезы.

Первым не выдержал гармонист Гаврюша:

— Вот-вот, заголосили! А ну, плясовую! — и развернув меха гармошки, мелко-мелко, с залихватским свистом, пробежал пальцами по клавишам.

— И правда, что это мы как старухи приросли к скамьям!

— Спляшем!

— Веселей, Гаврюша!

И незнакомый парень из соседней деревни, гикнув, пустился вприсядку, то отступая, то наступая, топнул ногой перед Санюк. Мгновенно образовался круг. Все заулыбались. А Санюк, поправив платок на плечах, зажав концы платка пальчиками, лебёдушкой поплыла за ним. Темп нарастал. Казалось, что вот-вот Санюк споткнется, топнет миниатюрными лапотками и взлетит...

Девушки хлопали в ладоши, парни им помогали в такт пляски. Слышались возгласы:

— Эх, так!

— Жми, Санюк!

— Веселей, Санюк!

— Молодчина, Санюк!

— Теперь черёд за вами!— раскрасневшаяся, веселая, как-то по особенному прекрасная, бросила Санюк девушкам.

— Санюк, Санюк! Что ж это такое? Все узнали своих будущих мужей, одна ты осталась!—закричала Лизи.

— Так не годится!

— И правда!— спохватилась Санюк.

— Вот что, Санюк,— стали советовать подруги,— бери зеркало, свечку и пойди в баню. Зеркало тебе все скажет.

— Нет, я нечистой силы боюсь,— засомневалась Санюк.

— Ну и трусиха ты!— рассмеялись парни и девушки.

— Ах, так... Где зеркало?

Сестра подала зеркало и свечку. И Санюк, торопливо накинув на себя одёжку, побежала в нашу баньку, топившуюся по-черному. Банька стояла напротив дома, через улицу, у самого оврага.

Веселье продолжалось. Плясали, пели.

Санюк вышла из ворот. Вдалеке она заметила двух парней. Кто они, девушка не успела разглядеть. Но они разглядели ее. Это были сыновья богачей, хвастливые, завистливые, злые. И оба были влюблены в Санюк, но тщательно скрывали это друг от друга. Обо всем я узнала значительно позже.

— Никита, ты заметил, Санюк побежала в баню. Не иначе, как гадать будет,— прошептал Андрей, дотронувшись до рукава Никиты.

— А ты прав. Вот бы узнать, что она нагадает. Слушай, давай незаметно зайдем в предбанник. Ты подопрёшь дверь снаружи, а я залезу на чердак. Отковырну доску и посмотрю в зеркало.

— Ну, нет! Больно ты хитрый. Не такой уж я дурак. Сам полезу наверх.

— Нет, я,— категорически заявил Андрей.

— Да на что ты ей сдался, такой балбес?

— А что, ты ей придешься по душе? Не такая она дура, чтоб полюбить толсторожего!

— Кого? Меня не полюбит?— Никита угрожающе потряс кулаком перед носом Андрея.

— Ну, ладно,— примирительно проговорил Андрей, чувствуя, что от перебранки ничего хорошего не получится,— полезем вместе. Прежде всего нужно подпереть дверь бани. А кто сумеет первым залезть, тот и заглянет в зеркало.

— Там видно будет.

Они вкатили в предбанник здоровенный дубовый чурбан и подперли им дверь, а сами залезли на чердак и осторожно начали приподнимать доски. Но те от времени так плотно слежались, что бесшумно поднять их не было никакой возможности.

Санюк сидела перед освещённым зеркалом. Но как она ни вглядывалась в него, увидеть ей ничего не удавалось.

Вдруг на потолке она услышала шорох и скрип отдираемых досок.

«Неужели нечистая сила?»—растерянная, испуганная, она погасила свечку и принялась креститься. Она слышала, что если свечку не погасить, то появится чёрт и ударит по щеке. А на месте прикосновения останется чёрное пятно. Перекрестившись несколько раз, Санюк подошла к двери и попыталась выйти. Но дверь не открывалась.

«Что такое? Кто закрыл? Неужели нечистая сила?»

Санюк навалилась сильнее на дверь. Дверь даже не скрипнула, а на потолке все также слышалось поскрипывание и покряхтывание.

«А может, это парни решили меня попугать?»— блеснула догадка.

Тогда она чиркнула спичкой и зажгла свечку.

— Какой бес туда залез?— громко крикнула Санюк.

Никто не откликнулся. Свечка отбрасывала на потемневшие стены бани желтоватый отблеск, Санюк еще больше испугалась. Сердце билось, рвалось из груди. Она еще раз навалилась на дверь, но та только чуть-чуть приоткрылась. Санюк разбежалась и ударилась

всем телом о дверь— напрасно. На пол свалился повешенный для сушки лён. Несколько прядей упали у свечки. Лён тут же вспыхнул. И пламя мгновенно охватило сухие стены, пол. Баня наполнилась густым чёрным дымом. Санюк рванулась, но было уже поздно. Она начала сбивать пламя платком, топтать ногами, лён и стены полыхали как порох.

— А-а! Гор-ю-ю! Пожар!

Никто не шел на помощь. Языки пламени уже лизали смолистый прокопчённый потолок. Санюк навалилась на дверь. Дверь не поддавалась. Вскоре огонь охватил всю внутренность баньки. Задымился подол сарафана. Удушливый дым перехватывал дыхание. Наконец, дверь немного приоткрылась, и Санюк грохнулась на пол.

— Ай, яй,— вскрикнула моя сестра Лизи, выглянув в окно.— Пропали! Баня горит!

Все бросились на улицу. Я, схватив большие валенки сестры, затопала за всеми. Но сестра, отпустив увесистый подзатыльник, закричала:

— Убью, Авук! Марш на печку!

Я вбежала в избу, кинулась к окну. Баня пылала жёлто-красным пламенем. Осветилась улица, ближайшие деревья, покрытые белым снегом. Из предбанника вынесли на руках потерявшую сознание Санюк. Я видела все — Пантелей бережно держал ее за плечи, а за ноги — моя сестра...

На улице стоял шум, все кричали, суетились.

— Домой несите!

— Скорей домой!

— Зачем домой, в больницу скорей!

Вся деревня сбежалась к месту пожара.

— Разбирайте баню!

— Живо тащите багры!

— Лопаты!

— Снегом тушите! Снегом! Водой!..

Санюк опустили на широкие нары, сняли с нее обгоревший кафтан, накрыли одеялом. Она лежала без движения. Только иногда стонала, и лишь это говорило о том, что живая. Напуганные, взволнованные односельчане не успокаивались—с улицы доносился шум, гам, крики.

— И кто бы это мог?

— Креста на них нет.

— Поймать бы да в огонь!

— Кому ж ещё быть, кроме богачей!

— Они всегда пакостят втихую!

Больше всех суетился Пантелей. Он вызвал мою сестру в сени, о чем-то переговорил и тут же ушел. Сестра, вернувшись, положила на голову подруги полотенце, попыталась напоить водой, но та лежала не шевелясь.

— Господи помилуй! Как бы не умерла, горемычная!

— И не узнаешь, где смертынька поджидает!

— И кто бы мог подумать!— перешёптывались женщины.

Появился Пантелей.

— Лошадь запрягли,— сказал он,— вместе с дядей Анисимом повезём...

Санюк, закутанную в одеяла и тулупы, уложили в сани, и через несколько минут они пролетели мимо нашего окна.

Так и закончилась эта грустная новогодняя ночь...

Парни и девушки разошлись по домам. В нашей избе остались ночевать несколько девушек. Но все они были так взволнованы и напуганы происшедшим, что до рассвета не сомкнули глаз. Все жалели Санюк:

— Бедняжка!

— Сиротинка!

— Правду люди говорят, где тонко, там и рвётся...

— И без того жизнь тяжелая, да еще эта напасть.

На заре вернулись Пантелей с Анисимом.

— Положили в больницу,— тяжело вздохнул Пантелей,— врачи говорят, что сделают все возможное.

Пантелей и прежде жил замкнуто, чуждался людей, а теперь еще больше приуныл. Осунулся, сгорбился. Ведь пастуха в те времена никто и за человека не считал, каждый горлопан мог измываться над ним сколько душе угодно. Отстанет ягнёнок — пастух виноват, забредет корова в огород—пастух отвечай. А богачи не стеснялись. Правда, Пантелея они побаивались, да проку мало — пастух есть пастух. А любовь? Да разве положено пастуху влюбляться? Да еще в такую красавицу, как Санюк!

Да и кому было дело до страданий и переживаний какого-то пастуха!

Прошли недели...

Переполох улёгся. Люди стали забывать о пожаре. Редко-редко можно было услышать об этом случае. Правда, некоторые говорили, что Санюк выздоровела. Выписалась из больницы и ушла куда-то. Другие — наоборот, что Санюк еще лечится.

Пришла весна. Прилетели жаворонки. Земля, обсохнув, зазеленела. Как-то сестра сказала, что неродная тётка Санюк получила письмо, в котором говорилось, что через неделку ее выпишут из больницы, просила разрешения приехать к ней. А тётка отнесла письмо к сыну кулака Никите, к тому самому Никите, который запер Санюк под новый год в баньке.

О чем они говорили, никто не узнал, только тётка вышла от Никиты покачиваясь, с пьяной песней.

Через несколько дней Никита запряг жеребца-зверя и уехал. Как ураган, промчался он по улице из города. Осадил жеребца у своего дома. Подхватил на руки Санюк и отнес ее в клеть за домом.

Санюк от неожиданности не успела даже вскрикнуть — Никита запер дверь, снаружи привалил колом.

— Сиди тихо. Не скули. А крикнешь — пеняй тогда на себя! Заруби на своем носу — все равно будешь моей,— пригрозил он.

Санюк растерялась...

Быть женой кривого — никогда! Всю жизнь слышать брань за лишний кусок хлеба, упреки, переносить побои, ругань сумасброда. Санюк закричала. Застучала ногами в дверь, начала звать на помощь.

А Никита вынес двухрядку, уселся на завалинку. Развернул меха, пытаясь заглушить крики Санюк.

Прохожие, привлеченные громкой музыкой, удивленно оглядывались на дом Никиты — с чего это он задумал играть?

Но как ни старался Никита, крики Санюк заглушить не удавалось.

«Что-то недоброе в доме Никиты».

Дети, оставив игры, разнесли по селу слух, что кулацкий сынок привез из города человека и запер его в клеть.

У дома собралось чуть ли не все село. Пантелей, случайно проходивший мимо, подошел к кулацкому сынку:

— Что за человек у тебя? Почему ты его держишь в клети?

— А тебе какое дело?— нагло бросил Никита.

— Проваливайте отсюда!— грубо обрывали любопытных родные Никиты.

— Видимо, Санюк он запер,— сказал кто-то из толпы.— Он недавно привез ее.

Толпа замолкла. И в это мгновение отчетливо услышали голос Санюк:

— Спаси-те!

Пантелей не выдержал:

— А ну, выпусти девушку!

И с этими словами он пошел навстречу выскочившему из ворот Никите. Тот, не говоря ни слова, подпрыгнул и ударил Пантелея.

Пантелей пошатнулся, но устоял на ногах.

— Зарежу!— истошно завопил Никита, выхватив тесак.

Толпа шарахнулась от ворот. Пантелей не стал связываться с ним, круто повернулся и побежал в сельсовет.

Председатель сельсовета, боевой и горячий, лучший силач в деревне, с юных лет работавший грузчиком на Волге, прозванный Ванькой Бурлаком, был у себя в конторе.

— Что стряслось, Пантелей?

— Да Никита...

Выслушав Пантелея, председатель молча вытащил из ящика стола маузер, подарок комбрига за храбрость в гражданской войне, бросил:

— Пойдем!

Люто ненавидел богачей председатель. На гражданской потерял ногу, белые казаки порубали всех его братьев. Да и сам он натерпелся, работая на богатых.

Еще издали они услышали крики Санюк о помощи. Никита совсем распоясался. Угрожая ножом, он вытащил Санюк за руку из клетки и потащил ее вглубь огорода.

Председатель подбежал к Никите и тихо приказал:

— А ну, щенок, отпусти!

И столько ненависти и силы было в этих словах, что Никита выпустил Санюк и побледнел, уставился на председателя.

— Становись к стенке! Убью, как собаку! Для тебя что — не существует советская власть?

Никита затрясся под его тяжелым взглядом, упал на колени.

— Иван Ильич! Я, я пош-шутил! Прости меня!— залепетал перепуганный Никита, размазывая грязной рукой слезы по лицу.

Иван Ильич, не повышая голоса, продолжал:

— Свидетелей много. Сейчас же составить протокол об изнасиловании девушки. И передадим в суд. Пролетарский суд не позволит тебе, гадина, глумиться над девушкой!

Мать Никиты, видя, что дело принимает серьезный оборот, бросилась к председателю, тоже стала на колени и заныла:

— Голубчик ты наш! Не губи, Ванька! Век буду бога за тебя молить. Неразумный он. Он просто попытался уговорить девушку выйти за него замуж! Голубчик мой!..— Причитала она, пытаясь обнять ногу председателя.

— Отстань, стерва!

Санюк, вырвавшись, пулей пустилась под откос. Она жила на другой стороне оврага. А Пантелей, председатель и еще несколько человек зашли в дом Никиты.

Через день Санюк ушла из деревни. Ушла, никому не сказав, куда. Говорят, что тетка чуть поедом ее не загрызла. Но Санюк ее не слушала. Тетка вечером избила девушку. Санюк не выдержала всего этого, собрала вещички и тайно покинула деревню.

А еще через несколько дней мы узнали — зверски избили Пантелея. Когда он возвращался домой из соседней деревни, на него накинулись сзади, пробили голову, сбросили под мост. Но, благодаря крепкому организму, он не умер. Его хотели положить в больницу, он не захотел, полмесяца отлеживался у деда Анисима. Приезжала милиция, но ничего не выяснила — Пантелей не видел избивающих. Свидетелей не было...

Осенью Пантелей исчез из деревни.

Про Санюк и Пантелея говорили разное. Санюк будто поступила в няньки в семью врача и переехала

в Казань, а Пантелей поступил работать на один из заводов Нижнего. Но все это были лишь слухи.

Дети подрастали. Пожилые старели. Шло время. Деревня на глазах изменялась. Кулаков раскулачили и выслали из деревни. Бедняки и середняки создали колхоз.

Борьба за колхоз, за его укрепление была долгой и упорной. Мешали враги, кулацкие охвостья, тормозили те, кто еще колебался. К тому же в те годы не было ни тракторов, ни комбайнов, пахали и сеяли по старинке, вся работа шла вручную. В первые годы даже лошадей не хватало. Но все же из года в год колхоз наш поднимался в гору, приобретал машины, строился, урожай на полях повышался, больше становилось скота, а главное — менялось отношение самих колхозников к общественному хозяйству, люди все больше понимали, что честная работа в колхозе — это единственно правильный путь для крестьян...

В деревне началась другая жизнь. Построили школу из кулацких домов, клуб. Начали поговаривать об электрификации. Я закончила семь классов и уехала в один из южных городов, поступила учиться в авиационную школу. Сбылась моя мечта — стала летчицей. Осенью я приезжала в отпуск домой, но про Санюк и Пантелея ничего не слышала...

Долго мы сидели с Пелагеей. Вспоминали, рассказывали новое. Муж Пелагеи погиб на фронте, сейчас она живет с двумя дочерьми, все трое работают в колхозе. Пелагея—бригадир огородной бригады, летом посылали ее на сельскохозяйственную выставку в Москву.

— На жизнь не жалуюсь. Хорошая жизнь, не то что раньше было. Думается, что еще лучше заживем. Надеемся на Пантелея.

— Семья-то у него есть?— спросила я.

— Дочка будто в будущем году заканчивает институт...

В это время вошла старшая дочь Пелагеи:

— Операция прошла благополучно.

— Кто тебе сказал?

— Я видела Верук Анисимову.

— Очень хорошо! Молодец Санюк...

— Сходим туда,— предложила я.

— Конечно, конечно... Вот только можно ли?

— А почему ж нельзя? Во время операции не стоит беспокоить, а теперь можно.

И мы пошли. В доме нас встретил Анисим с дочкой.

— Ну, как больной?— спросила Пелагея шопотом.

— Нормально, бабоньки. Слышите? Разговаривает.

Мы тихо вошли в переднюю избу. Больной лежал посреди комнаты, накрытый белой простыней. На табуретке у изголовья сидела Санюк в халате и докторской шапочке, у печки стояла медсестра.

— С удачной операцией,— поздравила я.

— Спасибо,— кивнула головой Санюк.

— От смерти спасли,— тихо промолвил Пантелей,— даже не заметил.

— Заметить-то заметил, больше полчаса провозилась...

— Все равно особо сильной боли не чувствовал. Большое спасибо.

Медсестра подала нам стулья. Пелагея села поближе к больному. Она смотрела то на Санюк, то на Пантелея, потом вдруг нагнулась к Пантелею:

— Благодарить-то благодаришь, а знаешь ли кого?

— Кого же?— удивился больной.—Конечно, врача!

— А врача-то признал?

— Как признал?

— Чего там, Пелагея...— вмешалась Санюк, но ту нельзя было уж остановить.

— Это ж Санюк!

— Какая Санюк?

— Какая еще может быть Санюк? Вестимо, наша, деревенская. Или забыл?

Больной попытался приподняться. Бледное лицо зарделось, глаза расширились.

— Не может быть,— прошептал он.

— Может, Пантелей, все может,— сказала Санюк изменившимся голосом.

— Это ты, значит?

— И ты тогда спас меня.

— А после этого потерял...

Пантелей прикрыл глаза. В комнате стало необыкновенно тихо. И необычно громко стучали ходики.

Нарушила молчание Пелагея:

— Вот, Пантелей Семенович. Бывают же неожиданные встречи.

Пантелей молчал. Только открыл глаза, посмотрел на Санюк:

— Откуда ты?

— Из Чебоксар прилетели.

— Спасибо, милая.

Он протянул руку.

Санюк своей мягкой рукой пожала широкую ладонь.

Мы вышли, оставив Пантелея и Санюк.

Рано утром я пришла снова. Санюк, как и вчера, сидела у изголовья Пантелея.

Когда мы собрались уходить, Пантелей закончил разговор, который, вероятно, они вели до меня.

— Больницу обязательно построим на будущий год. Как только закончим, приезжай, Санюк...

Через некоторое время мы поднялись в светлое солнечное небо. Сделали прощальный круг над родной деревней и легли на курс в сторону Чебоксар.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Снег идет 5
Беглецы (перевод А. Акимовой) . . 20
Светлый пруд 33
Красавица Анна 56
Старый дуб 70
Бабочка 78
Невестка 84
Счастливая встреча 90

Лазарева Александра Назаровна

СВЕТЛЫЙ ПРУД

РАССКАЗЫ

Перевод с чувашского

Говорова Александра Александровича

Рисунки художника Н. В. Павлова
Редактор А. В. Лукин
Художественный редактор М. А. Ильин
Технический редактор А. Ф. Никитина
Корректор И. М. Рябина

НТ 04023. Сдано в набор 16-VII-1965 г.
Подписано к печати 12-X-1965 г. Изд. № 41/65.
Формат 84×108 1/32. Физический печ. л. 3,50
Условный печ. л. 5,88. Учетно-изд. л. 5,28.
Заказ № 3077. Тираж 30 000 экз. Цена 31 коп.

Чувашкнигоиздат, Чебоксары, К. Маркса, 36.

Типография №1 Управления по печати
при Совете Министров Чувашской АССР
Чебоксары, Володарского, 5.

В Чувашском книжном издательстве в 1965 году вышли в переводе на русский язык следующие книги чувашских писателей:

Василий Алагер. На перепутье. Повесть. Цена 10 коп.

Александр Алга. Вязы да березы. Повесть. Цена 31 коп.

Василий Алендей. Цивиль-река. Повесть и рассказы. Цена 11 коп.

Михаил Юхма. Звезды зовут. Повесть. Цена 9 коп.

Цена 31 коп.